

18+

не мой
ВАРИАНТ

Ты лучший человек
во всех моих вселенных

ИЛЬЗА МЭДДЕН-МИЛЛЗ

Ильза Мэдден-Миллз
Не мой вариант
Серия «Не мой Ромео. Хиты
Ильзы Мэдден-Миллз», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67285271

*Не мой вариант:
ISBN 978-5-04-166485-5*

Аннотация

Ильза Мэдден-Миллз – автор бестселлеров Wall Street Journal, New York Times и USA Today.

Для поклонников Анны Тодд и Эстель Маскейм

Долгожданное продолжение дилогии – всем, кто без ума от романа «Не мой Ромео»

Жизель переживает кризис. Девушка даже думает, что проклята. В двадцать четыре она до сих пор девственница, ее съедает чувство вины перед своей сестрой Еленой, с ней постоянно случаются неприятности, а неудачным свиданиям просто нет конца.

Девон – звезда американского футбола, у него нет отбоя от поклонниц, но, познакомившись с Жизель, он не может перестать думать о ней. Для него она сама утонченная, красивая, умная и... особенная.

Правда, Девону наказано оберегать Жизель и быть ей другом. Дружить с женщиной своей мечты? Задача будет не из легких.

«Теперь это одна из моих любимых книг!» – Dreams Book Club

«Финал истории настолько хорошо выстроен, что вы не сможете сдержать слезы как от счастья, так и от осознания, что пришла пора расстаться с полюбившимися персонажами...» – Professor Romance

«Мне не хотелось, чтобы эта история заканчивалась, и все же я не могла оторваться. Ильза Мэдден-Миллз входит в пятерку моих любимых авторов, которые никогда не разочаровывают». – Fairwood Reader

Содержание

1	6
2	22
3	48
4	70
5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Ильза Мэдден-Миллз

Не мой вариант

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Жизель

Вторник, 4 августа

Этот вечер – мой смертный приговор. Вот-вот палач за шкуру снимет меня с табурета у барной стойки и потащит прямиком на гильотину. Меня так все достало, что я даже не стану сопротивляться. *Только давай без возни и без боли, – сказала бы я ему. – И еще дай глотнуть из твоей фляжки, хочу отключиться.*

Моего уважаемого ухажера зовут Чарли, но он настоял, чтобы я называла его Родео. Он коротышка, всего-то пять футов четыре дюйма, если считать вместе с ковбойской шляпой. Ремень у него туго затянут, но он все равно то и дело подтягивает джинсы, особенно на зад, отчего взбрыкивает и без того вставший на дыбы конь на пряжке ремня. Он уже успел ослепить меня этой своей пряжкой, поймавшей луч стробоскопа. Не имею ничего против мужчин, силящихся казаться выше ростом, как и против прикида в стиле кантри. Меня не устраивает другое – этот проныра пожирает глазами всех до одной девушек в «Рейзор».

Очередной гвоздь в мой гроб, и сколько их еще будет, пока не кончится этот ужасный день? Началось все с неприятности, которая случилась с моей машиной с утра пораньше,

а продолжилось приговором от моего противного консультанта: оказывается, он не рекомендует мне учиться за границей. Густое, свинцовое разочарование тянет меня к полу. Я уже забыла про разбитое окно машины и про попытку угонщика-неудачника завести ее без ключа, потому что жила надеждой на учебу в Швейцарии. Моей заветной мечтой было поступить на стажировку в ЦЕРН¹.

Но эта надежда начать с чистого листа, к сожалению, умерла.

Прощайте, ускорители элементарных частиц. Здравствуй, опустошение.

Боль от разочарования так сильна, что я не могу оторвать ладонь от груди.

В бедах последних нескольких дней я виню проклятие дня рождения. Перед моим днем рождения всегда происходят разные гадости. Через пять дней мне стукнет двадцать четыре, и судьба, похоже, по традиции решила начать издеваться надо мной.

– Нравится? – цедит Родео с ленивым южным акцентом, гордо демонстрируя мне свои щегольские оливково-зеленые ковбойские сапоги. – Аллигатор! Летал за ними в Майами. Сделано на заказ, ручная работа. Удобно, как в шлепанцах, а до чего модно!

– Очень мило!

Он красавчик, этого у него не отнимешь. Лицо. Зубы. Во-

¹ ЦЕРН – Европейская организация по ядерным исследованиям.

лосы. Руки. Но меня настораживает коварство, а то и подлость в его темных глазах.

Совсем скоро я соберусь с мыслями, снова обрету здравомыслие, унаследованное от матери, и положу конец этому свиданию, но пока у меня другая задача – допить виски.

– Материал для сапог – кожа молодых аллигаторов, у них мягкие животики, это облегчает дубление. Их разводят на ферме, а потом убивают – на сапоги. Завораживающий процесс! Если честно, я много бы отдал, чтобы увидеть все это собственными глазами. Как думаешь, их сперва усыпляют или просто убивают ударом по башке?

Проходит секунда. А может, минута. Я делаю вдох.

– Лучше этого не знать.

– Ты слишком мягкосердечная, милашка! – Отмахнувшись от этой мысли, он поднимает одну ногу высоко над полом. У меня возникает соблазн вразумить его добрым пинком.

– Не стесняйся, пощупай! Когда еще выпадет шанс оценить настоящее качество?

Качество? Тут главное в другом. Сегодня я очень низко пала. На меня клюнул тип, мечтающий полюбоваться на убийство маленьких аллигаторов.

– Лучше не надо, – холодно отвечаю я, но он ничего не замечает.

– На ощупь – чистый шелк! – Мой спутник выразительно смотрит на мои ноги, придвигается ближе, привычным же-

стом подтягивает ремень.

Рядом с ним возникает какая-то девица. Она заказывает выпивку, я нарочито фыркаю, глядя, как он оглядывает ее с головы до ног.

Все понятно: он твердо вознамерился кого-нибудь трахнуть.

Я обратила на него внимание в приложении только потому, что рядом оказалось фото, вызвавшее у меня ностальгическое чувство, – страус эму. Рост этих царственных пернатых во взрослом состоянии достигает шести футов десяти дюймов. Отец держал на нашей ферме пару эму, самца и самку; рядом закрылся сафари-парк, и птицы бродили по территории, предоставленные сами себе. Я их кормила, гладила, подолгу ими любовалась, восхищалась скоростью их бега (до тридцати миль в час), мне нравилось, как они меня рассматривают. Наверное, не только они казались мне странными, но и я им: высокая тощая девчонка, на носу огромные очки, на зубах скобы, рядом ни подруг, ни друзей. Папа, быстро заметивший, что меня к ним тянет, огородил для них вольер площадью в два акра с прудиком. До чего здорово было смотреть, как они плещутся! Я не перестаю горевать по ним – и по папе.

Оглядываясь назад, я понимаю, что, делая фото для своего аккаунта, Родео взгромоздился, должно быть, на ящик или на лестницу. Поднося к губам стакан, я прищуриваюсь, пытаюсь представить наш с ним секс. Во мне пять футов де-

вать дюймов – ну, и что из этого вышло бы? Я – поборница зрительного контакта; если бы мы занялись любовью в миссионерской позе, то его голова расположилась бы примерно между моим животом и грудью. Бедняге пришлось бы выгибать шею, чтобы смотреть мне в глаза. Возьму и куплю кукол Кена и Барби, отрублю Кену ноги в правильном месте и проверю, что получится. Жаль куклу, конечно, но наука порой требует жертв. Когда ты в замешательстве, полезно провести эксперимент. Терпеть не могу неподготовленность. Причина моего любопытства – вовсе не план заняться сексом с Родео – вот уж нет! Просто я обожаю нестандартные пути бегства.

– Часто навещаешь в «Рейзор», сладкая? – интересуется Родео, делая попытку возобновить беседу, раз другая девушка, привлечшая его внимание, удалилась. Его темные глаза смотрят в мои поверх запотевшей пивной кружки. Хорошо хоть, что он уже не пожирает взглядом мою грудь: этой забавы я его лишила, застегнув до самого горла свой синий блейзер. По моей спине струится пот. Для августа у нас на Юге 100 градусов по Фаренгейту – обычная температура, но, если я поспешу выбраться из этого клуба, меня ждет обморок.

– Нет, никогда раньше здесь не бывала. Я редко куда-то выбираюсь. Я – студентка выпускного курса, а еще преподаю...

Он кивает и перебивает меня:

– Отсюда рукой подать до моей берлоги, потому я и вы-

брал этот куб, – он делает паузу. – Знакомство онлайн – непростое дело.

По этой реплике можно предположить, что он не такой болван, каким кажется, поэтому я облегченно перевожу дух. Вдруг он наврал про свое желание полюбоваться смертью молодых аллигаторов?

Я делаю чуть более заинтересованный вид и задаю вопрос номер один – мама всегда задает его после моего очередного свидания:

– Ты работаешь?

Теребя золотую пряжку своего ремня, он цокает языком.

– Не в офисе, в отличие от большинства. Я три года подряд остаюсь чемпионом соревнования «Скачи, пока не померешь». В прошлом году я заработал этой забавой целый миллион баксов. У тебя есть знакомые среди тех, кто занимается родео?

– Люблю лошадок, – выдавливаю я, отчаянно ища хоть что-нибудь общее между нами. – Я выросла неподалеку от Нэшвилла, в городке под названием Дейзи...

– Кнуты, седла, шпоры, уздечки – у меня дома полно этого добра, если ты от всего этого тащишься, – произносит он, одним махом переходя от вежливости к неприличному намеку. Я уже ерзаю на табурете. В его цоканье языком есть что-то похабное. – Вижу, ты сейчас напряжена, сладкая, но в тихом омуте черти водятся.

«Напряжена»! Тут он попал в точку. Престон, мой быв-

ший жених, согласился бы с ним.

Он гнет свое, уводя меня с темной тропинки, на которую меня увлекли было непрощенные мысли:

– Знаю, о чем ты думаешь. Да, ростом я не вышел. У девушек это обычно первая мысль. Но ты не торопись, содержимое моих штанов – вот что настоящий дар свыше. Никто еще не жаловался, стоило мне только начать. Я давно объезжаю кобылок, и они всегда возвращаются ко мне за добавкой. – Он опускает веки и с любовью смотрит на свою промежность, как будто призывая упомянутое содержимое штанов к диалогу.

Чего и следовало ожидать.

Инстинкт меня не обманул. Смертный приговор. Пора делать ноги.

Я отворачиваюсь от него и вижу в зеркале над стойкой, как мое лицо заливают краска. На голове у меня позорный хаос, светлые локоны, первоначально приглаженные, зажили собственной жизнью, ко лбу прилипли реденькие пряди. Розовая помада утратила блеск, под глазами пятна туши – на то и жара.

Я поправляю на носу очки в черной оправе и утираю пот со лба. Угораздило же меня напаять в разгар самого жаркого за все годы наблюдений лета дурацкий блейзер! Пальцы тянутся к верхней пуговице, надо расстегнуть хотя бы ее.

Видя, что я расстегиваю пиджак, Родео сверкает глазами. Он придвигается почти вплотную ко мне, его клетчатая ру-

башка касается моей груди, я вижу волоски у него в ноздрах. Меня обдает его терпким мужским запахом с примесью конского пота.

Мне приходится откинуться назад и так при этом выгнуться, что мои плечи упираются в спину сидящего на соседнем табурете. Не оглядываясь, я бормочу извинение и выпрямляю спину.

Указывая на мой пустой стакан, Родео произносит тихо и хрипло:

– Хочешь еще? Ты выдула уже весь виски.

Я упираюсь одной ногой в стойку и отъезжаю от него вместе с табуретом. Смотрю в свой телефон, картинно хмурюсь.

– Вообще-то уже поздно, мне пора...

– Эй, милашка! Моей кобылке пора повторить! – И он машет шляпой, чтобы привлечь внимание барменши.

Девушка торопится на зов. На ее бейджике написано «Селена». Я уже завидую уверенному колебанию ее бедер, обтянутых узкими джинсами, губам со свежей багровой помадой. Она – коротко стриженная брюнетка с подведенными черным карандашом глазами. Мы с ней – день и ночь; я стыжусь своей размазанной туши, узкой юбки цвета бурой грязи, туфель на низких каблуках.

Селена сосредоточивается на мне, игнорируя Родео.

– Вы уверены, что хотите еще выпить? – спрашивает она сухо. «Почему ты с ним?» – так я понимаю ее вопрос.

В ответ я тяжело вздыхаю. Мне всего-то и надо, что изба-

виться от него и побаловать себя хорошим бурбоном.

Я чуть заметно киваю, следя за Родео.

– Вам повторить? «Вудфорд» со льдом?

– Пожалуйста!

Селена отворачивается и тянется к верхней полке под возторженный свист Родео, по достоинству оценившего ее роскошную фигуру.

Она поворачивается к нам, наливает стакан и пододвигает его мне с каменным выражением лица. Реакция Родео наверняка не осталась незамеченной, но она и бровью не повела. Я тоже хочу быть такой. Вот найду себе правильного мужчину – и буду.

– Спасибо, – говорю я и делаю глоток. Родео смотрит на меня, изображая глазами костер страсти, потом тянется к моему ожерелью и принимается его теревить.

– Между нами явно возникла связь. Ты – горячая штучка, я тоже завелся. Вон как искрит! Я уже представляю, как ты на мне скачешь. Слыхала про «перевернутую ковбойшу»?

Я сбрасываю его лапы со своего жемчуга и отпихиваю его от себя. Во мне поднимается волна гнева, которая сносит на своем пути прежнюю вежливость. Убедившись, что он уже на безопасном расстоянии, я делаю еще один глоток и со стуком ставлю стакан на стойку. Потом роюсь в своей сумке с компьютером, нахожу кошелек, достаю оттуда две-три двадчатки и прижимаю их стаканом.

– Уже сбегашь, детка? – плаксиво спрашивает он.

Я поворачиваюсь, скрежещу зубами.

– Да. И да, я знаю, что такое «перевернутая ковбойша», – я не могу не ответить на вопрос, уж такая уродилась. Если меня спрашивают, я обязана сказать правду. – А насчет электричества, то заряд на нуле. Мои протоны равнодушны к твоим электронам.

– Что еще за протоны?

– И вообще, непростительная грубость с твоей стороны – предлагать переспать на первой же встрече...

– Проклятие, ну и темперамент! Признаться, больше всего я люблю секс после ссоры. Как насчет того, чтобы свалить отсюда вдвоем?

– Даже не мечтай!

– Я бы даже предложил остаться на ночь, а ты бы испекла утром блинчиков, посыпав их шоколадом или голубикой из магазина «Все с фермы». Хотя нет, такие, как ты, предпочитают хлопья...

Насчет голубики он угадал, но...

– Мы встретились, просто чтобы опрокинуть по стаканчику, я предупреждала об этом в своем сообщении. И очень тебя прошу, ради всего святого, прекрати называть меня «сладкая» и «кобылка», иначе, клянусь, я вылью тебе на голову то, что осталось у меня в стакане.

У меня вздымается грудь, мне трудно дышать. Я дошла до угрозы физического насилия. Обычно мне это не свойственно. Я никогда не бешусь, наоборот, раз за разом позволяю

людям обращаться со мной с пренебрежением...

Он удивленно наблюдает, как я встаю, пошатываясь и наваливаясь на мужчину слева.

– Извините... – бормочу я и, в отчаянии опираясь о стойку, опасливо кошусь на свой стакан. На самом деле я выпила еще до прихода Родео, а если учесть, что я не ужинала, то не стоит удивляться, что у меня плывет перед глазами.

– Жизель? – звучит низкий голос – темный, знойный, узнаваемый даже при громкой музыке.

Быть не может!

Мое сердце трепещет, всю меня обдаёт жаром. Забыв про Родео, я смотрю на высокого мужчину, стоящего в нескольких футах от нас, на краю танцпола, с вопросительным выражением на точеном красивом лице.

Я сжимаю кулаки. Можно было предвидеть, что без него не обойдется. Но я решила, что для него еще рано, что он посвятит вечер тому, чем обычно занимаются профессиональные спортсмены. Елена, моя сестра, обмолвилась, что обычно он навещает клуб на выходных, но не слишком настаивала на нашей встрече.

Девон Уолш. Суперзвезда американского футбола смотрит на меня, приподняв черную бровь с пирсингом. Я мысленно суммирую все, что о нем знаю. Выбран «Самым сексуальным мужчиной года в Нэшвилле». Три года подряд признавался лучшим профессиональным спортсменом. Владелец клуба «Рейзор». Порочно красивые губы. Рельефное те-

ло в татуировках. Горяч, как раскаленная кочерга.

– Все в порядке? – спрашивает он. Его взгляд ползет по мне, начав со всклокоченной головы и закончив на туфлях. Я шурюсь. Такое ощущение, что он пошарил лучом прожектора по каждому дюйму моего тела.

– Лучше не придумаешь! – Я приветственно машу ему рукой. – Рада тебя видеть!

Лучшие уйди. Мне не нужны свидетели моего фиаско.

– То-то я гляжу... – Теперь его пронизательный взгляд устремлен на Родео, бровь опять ползет вверх – как меня это бесит! – У тебя свидание?

Все мое естество возмущено этим допросом, этим подтрунивающим тоном. Я вся деревенею.

Он решил, что я здесь *вместе* с Родео. Вернее, встреча произошла здесь, но...

– Так и есть, – отвечает за меня Родео и в подтверждение своих слов пытается обнять меня за талию. Я гневно выскальзываю из его объятий.

На лице Девона появляется недоумение, он засовывает руки в карманы низко сидящих джинсов. Наверное, он видит, что меня вот-вот хватит тепловой удар, или подозревает меня в готовности прикончить одного из посетителей его заведения.

Мои внутренности вот-вот превратятся в желе. Виски ни при чем, виноват, скорее, Девон, хотя мой интерес к нему ближе к любопытству. Пусть он и горячее газовой горелки,

наша с ним дружба на настоящую *дружбу* не тянет... Мысли у меня путаются, мозг сбоит: в этом моторе работают не все цилиндры. Мы просто *знакомые*, если нужно точное определение. Когда он на меня смотрит, я сознаю, что твердо принадлежу к категории «сестра Елены, жены моего лучшего друга, поэтому я обращаюсь с ней дружелюбно».

Это не мешает мне отдавать должное его точеному профилю и темно-зеленым глазам в обрамлении густых черных ресниц. В нем все шесть футов три дюйма роста, и все это великолепие до совершенства натренировано усердными занятиями в спортзале, черная футболка обтягивает рельефные мышцы, грудь колесом, талия узкая, ноги длинные, последний штрих на картине – выцветшие кроссовки. На одном запястье у него «Ролекс», на другом черный кожаный браслет. Наполовину он цивилизованный человек, наполовину сорванец с уклоном в упадничество.

Его кожу покрывает приятный загар от долгого пребывания на солнце, резко контрастирующий с моей молочной бледностью. Он темный шатен, но некоторые локоны его густой шевелюры окрашены в синий цвет, длинные передние пряди зачесаны назад, но по бокам череп почти наголо выбрит. Он употребляет больше средств для ухода за волосами, чем я. При нашем знакомстве в феврале его голова была залита гелем, пряди имели фиолетовые кончики; прическу он меняет чаще, чем любая девушка в моем окружении.

В мочках ушей он носит бриллиантовые сережки, и это

еще одно наше с ним различие. В восемнадцать лет я позволила дыркам в моих мочках зарости и с тех пор ни разу ничего в них не вставляла. Его руки сверху донизу покрыты татуировками – розами и порхающими бабочками голубой и золотистой масти. Мне нравится, даже очень. Я взволнованно тереблю жемчуг у себя на шее.

– Жизель? – звучит оклик.

Мне стыдно оттого, что я так на него таращусь. Я виновато ищу относительно умный ответ. *Что с тобой, Жизель, ты же пишешь диссертацию по физике! У тебя внушительный арсенал слов. Скорее скажи ему, что Родео – не твой вариант.*

Но в голову лезут только воспоминания о нашей последней встрече. Дело было в субботу, на свадьбе Елены и Джека, где он был распорядителем, а я – подружкой невесты. Серый костюм сидел на нем так, что трудно было не пускать слюни; ткань этого костюма была до того мягкой, что, взяв его под руку, я до крови прикусила губу. Его пальцы касались моих дольше, чем требовалось, или мне только показалось? Он, скорее всего, вообще ничего не заметил: просто со всей добросовестностью выполнял свои обязанности на свадьбе. Но во мне его взгляд прожег дыру. Это был неотразимый взгляд, длившийся целых десять секунд. Одно из двух: или у меня на носу вскочил огромный прыщ, или ему всерьез понравилось то, что он увидел. Пока мы шествовали по проходу к Джеку и Елене, я спросила – робким шепотом, ну и что с

того? – хорошо ли он себя чувствует. Последовал скупой и резковатый ответ, что он в порядке, – странно, ведь Девон совершенно не сварлив.

Позже, сидя одна в своей квартире, я все разложила по секундам и пришла к заключению, что его пристальный взгляд объяснялся моим позорным линялым видом в Еленином платье без бретелек. Я предупреждала сестру, что моей груди не хватает объема, чтобы это платье сидело прилично, но переубедить не смогла.

Правда, стоя в церкви рядом с сестрой, произносившей положенные слова у алтаря, я не могла не думать о Девоне. Влечет ли его ко мне? *Ко мне?* В такое невозможно было поверить.

Ясность наступила в тот момент, когда появилась супер-модель – та, с которой у него была назначена встреча. На меня он больше не смотрел.

– О Господи! Вы же... вы же... *Девон Уолш?* Я ваш преданный болельщик еще со времен ваших игр за Огайо! У меня на стене до сих пор висит ваша футболка...

Таково содержание визгливой тирады Родео, бросившегося к звезде американского футбола.

На бегу он задевает меня плечом, моя рука соскальзывает со стойки, мне грозит падение, и я опять ударяюсь о соседа, сидящего на табурете рядом. Он оглядывается, бормочет что-то вроде «кажется, я вас знаю», горлышко его пивной бутылки проезжает по моей щеке.

– Боже! Вы в порядке? – Сосед пытается меня поддержать, но поздно.

– В полном порядке! – отзываюсь я, размахивая руками в отчаянной попытке сохранить равновесие на скользкой плитке. Время замирает. В конце концов мое тело подчиняется закону тяготения – слава тебе, Ньютон! Я падаю вперед, колени звучно ударяются о пол.

И, главное, происходит это перед глазами самого сексуального жителя Нэшвилла!

Что это, если не проклятие дня рождения?

Жизель

– Ты как? – интересуется Девон, прикладывая к моей правой щеке пакетик со льдом. Жмурясь от холода, я подношу к лицу руку, наши пальцы на мгновение соприкасаются, он убирает руку, позволяя мне самой прижимать к щеке лед. В животе у меня порхают бабочки – так действует нервный импульс от его прикосновения. Я глотаю слюну с надеждой продлить это чувство. Что поделать, если он такой сногшибательный парень! Он не считает меня привлекательной – ну и ладно.

– Порядок! – отвечаю я с деланой жизнерадостностью. Если честно, голова болит, но я не уверена, что это от падения, – возможно, дело в голоде.

Я сижу за столиком в VIP-зоне клуба «Рейзор» – на огороженной территории в глубине помещения. Посетителей здесь почти нет, не считая горстки болельщиков около телевизора в углу. Надо понимать, что наплыв людей начинается здесь гораздо позже. К счастью, гремящая в клубе музыка здесь почти не слышна.

Девон возвышается надо мной. Чтобы заглянуть мне в глаза с целью проверить, не мутный ли у меня взгляд, ему приходится сесть на корточки. Я не могу не реагировать на

исходящий от него пьянящий мужской запах дорогого одеколona, в котором угадывается летний морской бриз.

– Лихо ты грохнулась! Ладони и колени целы?

В такой близости золотые вкрапления в его глазах мерцают, как искры, на фоне бархатной лесной зелени радужки. Какой сексапильный, притягивающий, бездонный взгляд...

Хватит нанизывать эпитеты, Жизель!

– Ударилась, конечно, а так ничего.

– Завтра может появится пара синяков. Принести еще льда?

– Нет, спасибо, – я бы предпочла забыть о случившемся. Неприятное ощущение – барахтаться в смущении.

Он на долю секунды дотрагивается до моего колена.

– Когда ты на меня рухнула, я отпрянул, инстинктивно готовясь к подножке, – бормочет он.

– Меня качало между тобой и соседом по стойке. Куда еще мне было деваться?

Я представляю себя на четвереньках, упершейся в пол ладонями, чтобы не удариться об него лицом. Девон поднял меня, аккуратно держа за локти, потом приказал Эйдену, своему товарищу по команде – это и был мой сосед по стойке – принести из кухни лед. Не обращая внимания на танцующих, он отвел меня в VIP-зону. Я бы не удивилась, если бы он отнес меня туда на руках – зря, что ли, любовные романы переполнены такими красивыми сценами?

– Вон ты какой здоровяк! Одной мне тебя не опроки-

нуть, – продолжаю я возражать со слабой улыбкой. – Чтобы поставить тебе подножку, мне бы пришлось схитрить. Например, залезть к тебе в шкаф и неожиданно выпрыгнуть оттуда в темноте. Ты открываешь дверцу – а там я, прячусь в страшной маске среди твоих модных рубашек. – Я улыбаюсь, игнорируя боль. – Какой маски ты бы сильнее всего испугался? Фредди Крюгера? Майкла Майерса?

Он грустно усмехается.

– Меня пугают акулы. Ужас, какие у них зубы! Когда я в детстве смотрел «Челюсти», меня от страха выворачивало.

– Берегись, скоро я за тобой приду, – говорю я.

– Сперва тебе придется проникнуть ко мне в пентхаус. С частным лифтом это проблематично.

– Не стоит недооценивать упорство южанки, преследующей свою цель, – предупреждаю я его со смехом.

Я знаю, где он живет. Никогда там не была, и все же...

Он выпрямляется и снова богатырски возвышается надо мной.

– Мгновенное выздоровление! Тебе полезно падать на четвереньки. Знаю, я всегда так действую на женщин.

Я так закатываю глаза, что становится больно. Не помню, упоминала ли я его нахальство.

– Правда, из этого правила есть одно исключение – ты, – оговаривается он. – Тебя ничего не смутит.

Ну-ка, ну-ка... Что такое он говорит?

Я напрягаюсь, пытаюсь расшифровать услышанное. Ка-

жется, до меня дошло: он причислил меня к той же категории, что и все остальные. Мне должно быть все равно, но почему-то мне больно это слышать.

Я нервно сглатываю.

– Точно, это обо мне. Меня ничто не смутит: холодна, как лед.

Он недоуменно морщит лоб.

– Подожди, я совсем другое имел в виду...

– Не надо, я все поняла. Лишена эмоций, практически робот. Непробиваема. Забывчива. Невосприимчива к мужской сексуальности.

Он склоняет набок голову и складывает губы трубочкой, как будто погружается в раздумья, потом сует руки в карманы джинсов – так он показывает, что ему не по себе. Уж я-то знаю – в наблюдательности мне не откажешь.

– Таких мыслей у меня не было. Я хотел сказать совсем другое: что ты не такая, как другие девушки... Ладно, проехали, – он открывает рот, закрывает, ничего не добавив, потом все же произносит: – По-твоему, я сексуальный?

– Ну, знаешь ли... Нет.

На его лице ничего не прочесть.

– Тем лучше.

– Для меня ты староват.

Он фыркает, я не могу удержаться от улыбки, видя его удивление. Все-таки мне удалось задеть его за живое.

– Мне двадцать восемь, а ты что думала? Четыре года раз-

ницы – разве это много? – он ерошит себе волосы, но это не делает их менее сексуальными: в темно-шоколадной копне по-прежнему мерцают синие огоньки. Черт бы его подрал, он красавчик, как ни старается это скрыть.

Я заставляю себя безразлично пожать плечами.

– Возраст неважен, главное – быть *моим* человеком. Требования три: учебники, твид, застенчивость. А теперь полюбуйся на себя: от тебя за милю разит рок-звездой.

И, конечно, губы. Я бы целую книгу посвятила его губам нежно-розового цвета, роскошному контрасту между ртом и суровыми скулами, пухлой нижней губке, глубокой V-образной выемке на верхней.

– Умница! Держись подальше от таких, как я, красотка, – он ослепляет меня своей фирменной улыбкой. Мы с ним, без сомнения, друзья. «Красотками» он кличет всех, включая мою мать и тетю Клару.

– Ммм... – я неуверенно киваю.

– Ковбой – твой кавалер? Он остался где-то там, когда я повел тебя сюда. Могу за ним послать.

Он делает шаг от меня, как будто и впрямь готов отправить кого-нибудь за Родео. Я издаю стон.

– Только не это! Я больше не смогу провести с ним ни одной минуты.

Он опускается рядом со мной на корточки. Теперь расстояние между нами гораздо меньше, чем в прошлый раз. От него так и пышет напряжением.

– Он позволил себе что-то неподобающее?

Я кусаю губы, опускаю глаза, купаясь в искренности его хриплого голоса. Ах, Девон, Девон... Внешне он, может, и заносчивая суперзвезда, так надо для его команды «Нэшвиллские Тигры», но под этой оболочкой бьется доброе сердце, и, когда он говорит мне приятные вещи, внутреннее чувство подсказывает мне, что дело тут не в том, что я особенная. Он пришел бы на выручку любой девушке.

– Просто он... – козел он, и дело с концом! Я познакомилась с ним на приложении для знакомств. Решила, что, раз он любит страусов эму, у нас есть тема для беседы, – я поднимаю на него глаза, пытаюсь донести до него свою логику, но он пока что только хмурится. – А он взял и потянулся к моему ожерелью. Никому нельзя касаться бабушкиного жемчуга! – Я трогаю нитку жемчуга у себя на шее, приподнимаю ее, провожу по ней губами.

– Что еще он натворил? – грубовато спрашивает он, переводя взгляд с ожерелья на мои губы. Как жаль, что на них нет помады!

Я поправляю пакет со льдом, морозящий мне щеку, стараясь унять разошедшееся сердцебиение. Вдруг ему слышно, как отчаянно колотится мое сердечко?

– Он заговорил о «перевернутой ковбойше». Кому-нибудь другому, может, и можно, но только не ему...

Опа! В Девоне есть что-то такое, что развязывает мне язык. Или все дело в виски? Не важно. Главное, речь шла

о не вполне приличной позе. Для нее женщине нужны сильные ноги. Я почти ежедневно бегаю и, может, смогла бы так повисеть... Где бы располагались при этом мои руки? Сзади, на его бедрах, или впереди, для равновесия? Так или иначе, я бы не смотрела на партнера, так что обойдемся без намеков! Свободные руки – инструменты наслаждения. Решено, «перевернутая ковбойша» – лучший вариант, приоритетный выбор Жизель!

– Что-то ты покраснелась, Жизель. Ты хорошо себя чувствуешь?

Я откашливаюсь, гоня прочь скабрзные картины.

– Здесь жарковато.

– Ну, так сними пиджак, – советует он. – Я потею от одного взгляда на тебя.

Тогда я откладываю пакет со льдом, расстегиваю блейзер, снимаю и кладу на столик. И только теперь замечаю, до чего влажна моя шелковая блузка. Она выразительно облепила мой маленький бюстгальтер, но есть и хорошая новость: теперь я наслаждаюсь прохладой. Я расстегиваю три верхние пуговицы, развожу в стороны эфемерные отвороты.

– Так гораздо лучше! – Я со стоном вынимаю из волос маленькие металлические заколки и выкладываю их на столике аккуратным рядом. Массирую себе голову, с наслаждением распутываю свалявшиеся космы. – Теперь еще позвать бы Криса Хемсворта, чтобы ноги мне помассировал, и день можно будет считать сносным, – я скидываю надоевшие

туфли, шевелю пальцами.

– Разве он не женат? – бормочет Девон. Я поднимаю голову (раньше я давала ей отдых, запрокинув на подголовник кресла) и внимательно смотрю на него. Он отступил на шаг назад и трет себе затылок. Встретившись со мной глазами, он отводит взгляд от моей блузки.

– Разве что в другой вселенной, – рассеянно бросаю я. – Как-нибудь в другой раз я поделюсь с тобой своими соображениями о множественности вселенных. В одной из них голливудский актер вполне может быть моим мужем, и у нас с ним десяток детей...

– Час от часу не легче! – он смеется, и я таю.

– Во вселенной «Жизель и Крис» он не в силах от меня отлипнуть, и мы размножаемся, как кролики на виагре. И, кстати, никакая он не кинозвезда, он архитектор, мы с ним обитаем в построенной им для меня вилле во французских Альпах. Я дни напролет изучаю темную материю, пеку печенье и вяжу детскую одежду. Что до моих ночей, то они полностью посвящены ему.

Он кривит губы.

– А где в этой вселенной располагаюсь я?

Я подпираю рукой подбородок.

– Ты – молоденькая девушка, работаешь в кафе *Cinnabon*, обожаешь магические браслеты, жвачку и розовые береты. По выходным в тебе берет верх твое тайное нутро, и ты вылезает из спальни через окно, чтобы малевать на реклам-

ных щитах исполненные тайного смысла граффити.

Он реагирует улыбкой до ушей, очень идущей к его пухлым губам. Эффект сногшибательный: у меня перехватывает дыхание.

– Вот это воображение, зайка! Я потрясен.

Я краснею.

– Моя хаотичность сводит с ума моих близких, – помолчав, я выпаливаю: – Никак не решу, какое у тебя будет прозвище: Корица или Розочка. Твои предложения?

– Оба не подходят. Я откликаюсь только на Отморозка.

– Тогда, может, Зануда?

Девон пристально на меня смотрит.

– Вернемся к знакомству по Интернету. Моя кузина Селена однажды рискнула и еле сбежала из машины своего нового знакомого. Рискованное дело!

Я вздыхаю, уже скучая по нашей безответственной болтовне. Знал бы он об особенностях еще одной моей вселенной: в ней он ублажает меня на раковине в ванной. *Он самый* – до чертиков сексуальный, с обнаженными надувшимися мышцами. Я при этом – просто девчонка, подобранная им на обочине, беглянка, спасавшаяся от грубияна-жениха. На мне замызганное подвенечное платье, волосы у меня длиннющие и почему-то розовые, на носу очки – это обязательно, в любой вселенной я должна выглядеть умницей. С того момента, как я прыгнула в его «Мазерати», он изнывает от вожделения; привезя меня к себе, он делает меня своей.

Внутренне я себя корю. Неудивительно, что у меня не все ладно с учебой: я слишком отдаюсь мечтам, факты – не моя епархия. А факты – упрямая вещь: нет такой вселенной, где мы с Девонем были бы вместе.

Скорее всего, источник моего бурного воображения – чертова девственность. Эта мысль преследует меня уже пять месяцев, с тех пор как Престон бросил на прощание: *«На что ты надеешься, Жизель? Ты же фригидная!»*

Я пробыла его невестой почти месяц, но так и не смогла... его захотеть. Просто сначала согласилась с ним встречаться, а потом приняла его предложение пожениться.

С тех пор я силюсь доказать себе, что я нормальная, для чего ищу любви в неподобающих местах. Звучит как строка из песенки в стиле кантри.

– То, что на тебе гроздьями виснут женщины, не значит, что для обычного человека это так же просто. Я позаботилась о том, чтобы прийти не одна, но не планировала с ним уйти. У меня был план. У меня каждый раз есть план.

Он делает шаг ко мне, на его лице написано возмущение.

– Ты часто так поступаешь?

Я хмурю брови, меня раздражает недоверие в его тоне.

– Первый, Альберт, был красавчик-бухгалтер. Мы познакомились в «Старбаксе». Все бы ничего, но он взял и показал мне на телефоне фото свой бывшей и заплакал. Похоже, она хотела, чтобы он надел колечко ей на пальчик, и ему трудно изменить своему чувству долга. Я посоветовала ему с ней

потолковать.

– Сколько еще их было, Жизель?

Я поворачиваюсь в кресле.

– С тобой я чувствую себя, как ученица в кабинете директора.

– Сколько?

Я сжимаю кулак. Вот надоедливый!

– Не пойму, зачем тебе это знать. Ладно, всего один, симпатяга Барри. Он написал о себе, что специализируется в области химии, вот я и подумала: «Он привержен науке, совсем как я». Оказалось, что он хочет заманить меня в «пирамиду» по продаже кухонь, но меня голыми руками не возьмешь. Я прикинулась его коллегой по продажам и в конце концов приобрела у него кухонную лопатку, – я вздыхаю. – Пришлось даже заплатить за его латте. А потом возник Родо с его милейшим эму...

– Жизель!.. – в его голосе хорошо различимо отчаяние, что заставляет меня воинственно задрать подбородок.

– Ничего не поделаешь, то и дело приходится натекать на откровенный брак. Только не прикидывайся, что ты в этом разбираешься, Девон. У тебя что ни месяц, то новая подружка. Сегодня ты здесь тоже не один. Почему ты не представил меня своей спутнице?

Он утомленно вздыхает во всю свою богатырскую грудную клетку.

– Кого ты с собой привела?

– У нас что, вечер вопросов?

Он улыбается так, словно заранее знает, что будет дальше.

– Знаю, ты не можешь не ответить. Елена рассказывала мне про твою проблему с вопросами.

– Вот чертовка!

Моя сестра улетела проводить медовый месяц на Гавайях с мужчиной своей мечты, но у меня ощущение, что она стоит у меня за спиной. Красавица – старшая сестра, из тени которой я никак не выйду! Я горестно вздыхаю. По крайней мере, она счастлива, ведь никто не заслужил этого так, как она. Перед ее встречей с Джеком в прошлом году я разрушила наши отношения: Престон – тогда он был *ее* парнем – поцеловал меня на работе в тот кошмарный день, как раз перед ее появлением. Стоит ли удивляться, что у нас с ним все пошло через пень-колоду? Нелепое начало предопределило конец.

От избытка чувств у меня сводит горло. Я встряхиваюсь, прогоняя дурные воспоминания. Для этого требуется немалое усилие.

– Меня доставил Тофер, – отвечаю я ворчливым тоном. – Я оставила свою машину в автомастерской в Дейзи и подошла к библиотеке, когда он как раз запирал дверь. Он привез меня в Нэшвилл и настоял на том, чтобы проводить меня сюда. Я ведь еще никогда ни с кем не знакочилась в баре.

Девон интересуется, что с моей машиной, я объясняю, что это «Камри» старой модификации и что этим утром она отказалась заводиться.

– Все эти твои свидания – попытки забыть Престона? – осторожно спрашивает он, садясь напротив меня.

– Лучший способ кого-то забыть – найти кого-нибудь еще.

Мы оба молчим, воздух вокруг нас так насыщен напряжением, что вибрирует. Я стараюсь поскорее сесть прямо и сосредоточиться. Не понимаю, почему пространство между нами до треска заряжено электричеством.

– Все правильно, – цедит Девон, скользя взглядом по моей блузке и заставляя его остановиться на моем лице. Наши взгляды скрещиваются, он смотрит в сторону, скребет себе подбородок.

– Кто-то из твоих друзей должен тебя с кем-нибудь познакомиться...

– Вот-вот. Ты, например. Ты же мне друг?

Он хмурится.

– А как же! Могла бы не спрашивать.

Даже не знаю, почему я не могу перестать думать о тебе. Угрозило же тебя бросить на меня на свадьбе сестры взгляд пятого уровня! Вдруг дело было в моем уродливом платье? Или все-таки во мне самой?

– Вот и славно. Кого бы ты предложил мне в кавалеры? Учти, это должен быть добряк и мастер постельного дела. Даже не мастер – отличник! Не обращай внимания, Девон, иногда я несу возмутительную чушь!

Он встает и уходит.

– Кажется, кто-то вызывал отличника? Я явился на зов! –

говорит Эйден, вырастая передо мной. В нем шесть футов два дюйма роста, он коротко стриженный шатен с мерцающими, как лед, голубыми глазами, сельский парень из Алабамы с улыбкой на много мегаватт, повергающей в трепет женские сердца. В команде «Тигров» он сейчас запасной квотербек, метящий на место Джека.

Плюхнувшись в кресло Девона, он подает мне стакан воды – это Девон велел ему принести мне воду.

– Между прочим, у меня тончайший слух. Я же квотербек, от меня требуются сверхчеловеческие способности. Можешь уточнить, сколько тебе нужно оргазмов? Я обеспечиваю пяток в день, могу предоставить свои рекомендации.

Меня разбирает смех, его тоже. Он примерно мой ровесник, и я еще ни разу не видела его без улыбки на лице и без девушки. На свадьбу моей сестры он заявился сразу с двумя, вроде бы близняшками, и танцевал сразу с обеими медленный танец: одна находилась перед ним, обхватив его за шею, другая сзади – обняв за талию. У них получалось лучше, чем можно было ожидать.

– Решил меня рассмешить? – спрашиваю я. Он смахивает на милого непослушного щенка, днем умильно просящего бросить ему мячик, а ночью сворачивающегося калачиком у тебя под боком.

То ли дело Девон: он – тигр среди «Тигров». То делает вид, что нежится на солнышке, подергивая хвостом, то весь вибрирует от едва сдерживаемой мощи. Сейчас, при виде

Эйдена, он скалит клыки.

Что у него на уме?

В моем присутствии эти футболисты вечно перебрасываются шуточками.

Эйден ждет, пока я опорожню стакан.

– Я не собирался делать тебе больно, Жизель. До меня вообще дошло, что это ты, только когда ты плюхнулась на пол.

Я кошусь на Девона, отошедшего всего на пару шагов, опершегося о стену и доставшего телефон – изображает, что выбросил меня из головы. Тем лучше.

– Я тоже не знала, что это ты, – отвечаю я Эйдену той же монетой.

Эйден придвигается ближе.

– Ну и молодчина. Между прочим, твой кавалер удалился с какой-то брюнеткой. Надеюсь, между вами нет ничего серьезного.

– Видать, нашел себе кобылку, чтобы ускакать на ней домой, – отвечаю я со смехом.

Он хохочет во все горло.

– Чтобы меня приманить, он обещал дать поиграть с его уздечками и шпорами. Хотя бы так, а то я уже боялась, что он упомянет кнут.

Эйден покатывается со смеху, когда я, докладывая о своем прерванном свидании, припоминаю слова Родео о данном ему свыше таланте и его предложение «секса после ссоры».

Не забываю просьбу о блинчиках с голубикой. Когда я замолкаю, он смахивает слезу.

– Освежающий душ!

– Вот и знакомься после этого в Интернете! – подает голос Девон, пряча телефон в карман джинсов.

– Ничего страшного, – бесстрашно возражаю я.

– Ты заслуживаешь лучшего.

– Я не самая лакомая женщина Нэшвилла.

– Ты недооцениваешь свою привлекательность, – гнет он свое, тараща на меня глаза.

Приятно слышать. Я облегченно перевожу дух.

Временно воцаряется тишина, Эйден бросает взгляд на Девона, опять с задумчивым видом поворачивается ко мне. Барабанив пальцами по столу, он, как я вижу, принимает какое-то решение.

– Вернемся к чуши, которую ты якобы несешь. Как ты отнесешься к...

Девон отлипает от стены – он движется стремительнее, чем я ожидала, – и опускает на широкое плечо Эйдена свою тяжелую ладонь.

– Отвяжись, Алабама. Она – запретный плод.

Я приосаниваюсь. *Запретный плод?*

Так еще можно было подумать в феврале, когда я ходила в невестах, но сейчас?!

Эйден сбрасывает руку Девона и улыбается мне так широко, что мне становится страшно за его щеки – вдруг лоп-

нут? Его слова предназначены для Девона, но смотрит он на меня, словно я – лакомый кусочек.

– Напрасно ты воображаешь, что мне есть дело до того, какие мысли шевелятся в голове у Джека Хоука. Не ему решать, с кем мне иметь дело. Как-никак я был первым, на кого положили глаз «Тигры»...

– Не задирай нос, парень, – ворчливо осаживает его Девон.

– Ни у кого, даже у капитана команды, нет права диктовать мне, с кем общаться, – настаивает Эйден. – Ладно бы он был рядом, а так... Мы хоть тренируемся, а он нежится на пляже.

– Учти, дурачок, он вернется и накостыляет тебе по шее хоть здоровой, хоть травмированной рукой, – грозит ему Девон. – Да я и сам могу. Необязательно ждать его.

Не знала, что спортсмены такие задиры. Вот что делает избыток тестостерона!

Впрочем, мгновение – и перебранка заканчивается, а парни опрокидывают по кружке пива.

– Можно поподробнее о том, с какой стати Джек объявил меня неприкасаемой? – обращаюсь я как можно спокойнее к Эйдену, тщательно скрывая нарастающий гнев.

Он обезоруживающе улыбается. С виду он деревенщина-очаровашка, но на самом деле скользкий, как уж.

– Да ладно тебе, не огорчайся! Ну, напутствовал Джек команду. «Руки прочь, – говорит, – от сестры Елены, не то вам

не поздоровится, когда я вернусь».

Я быстро множу два на два. Не сомневаюсь, что Елена сообщила Джеку о моей девственности; прибавить к этому несостоявшуюся помолвку – и становится понятно стремление Джека меня защитить. Трудно не быть ему признательной. Но как насчет моей *фригидности*?

Господи, вдруг он разболтал о моей девственности всей команде? Только не это! Он же так не поступил бы? Если он позволил себе такое, я его... я его... У меня перехватывает дыхание. Я трясусь головой и отвергаю жуткое предположение. Не надо делать поспешных выводов.

– Я большая девочка, Эйден. Доверься своему инстинкту. Разве не так поступают все знаменитые футболисты? – Я часто моргаю.

Эйден удивленно смотрит на меня, удивление сменяется инстинктивным желанием произвести впечатление. Я улыбаюсь: пусть он чокнутый, зато умеет соблазнять.

– Эйден!.. – предостерегающе произносит Девон.

– Что? – откликается тот, не сводя с меня жаркого взгляда.

– Прекращай! Решил молча ее затрахать?

– Заткнись, Дев. Как умею, так и смотрю. Мы с ней хорошо понимаем друг друга.

– Так уж понимаем? – сухо спрашиваю я.

Эйден даже не думает отводить взгляд.

– А то нет!

Девон осуждающе кряхтит. В следующую секунду его от-

влекает звонок телефона.

Я стараюсь на него не смотреть. Мне даже нравится им помыкать. Я догадываюсь, что он всего лишь действует по поручению Джека; с другой стороны, от одной мысли, что целая гурьба мужчин судачит о моей личной жизни, у меня возникает желание опрокинуть столик; подвернется под руку футболист – и его опрокину.

Эйден хватает мой телефон, спрашивает пароль, вводит его и пишет свой номер.

– Держи! Позвони мне. Мы весело проведем Четвертое июля. – Он подмигивает. – Или посмотрим вдвоем хороший ужастик. Выбор за дамой.

– Я люблю фильмы ужасов, но предпочитаю фантастику. Его голубые глаза сияют.

– Ммм... Фантастика плюс твоя восхитительная чушь!

– Мы с тобой думаем об одном и том же?

Мне хватает двух секунд на раздумье.

– «День независимости» с Уиллом Смитом?

– Ты все больше мне нравишься! – Он толкает меня кулаком в плечо. – Обожаю этот фильм!

У меня готов для него холодный душ. Я включаю брендспойт, смягчая эффект улыбкой.

– Понимаю, что ты задумал. Ты решил, что, заведя шашни со мной, сорвешь Джеку сезон в роли квотербека? Вижу, ты на все готов, лишь бы выбежать на поле в его футболке.

Он кривится и краснеет: сначала шея, потом лицо.

– Насчет последнего ты права. Рано или поздно я своего добьюсь.

– Не торопись, – осаживает его Девон. – Пока что главный – Джек. Через пару недель у него заживет плечо, и...

Эйден, не глядя, показывает Девону средний палец.

– Чтоб ты знала, ты мне нравишься.

У меня подлетают вверх брови. Я худая дылда с длинноватым носом. Меня устраивают мои скулы и голубые глаза, но не устраивает манера одеваться – в подражание мамаше. Самые сексуальные вещи в моем гардеробе – ношенные джинсовые шорты и импульсивно приобретенный розовый ремень. Куда это годится для серьезной студентки выпускного курса?

– Ты да я – это что-то! – хрипит Эйден, одаривая меня самым сокрушительным, самым завораживающим взглядом из своего арсенала, означаящим «поторопись ко мне в объятия, куколка!».

Девон воздевает обе руки.

– Не верю своим глазам и ушам!

– Лучше ступай разберись со своими официантами, Дев. Кажется, они сегодня не справляются.

– А как же твои близняшки со свадьбы? Не боишься их опечалить? – спрашиваю я Эйдена. На Девона мы оба не обращаем внимания.

Эйден завладевает моей рукой.

– Я уже не помню, как их звали.

Я качаю головой и со смехом высвобождаю руку.

– Я тебя обожаю, но вешай лапшу на уши кому-нибудь другому.

Эйден для большей убедительности прижимает к груди ладонь.

– Почему ты так несерьезно ко мне относишься? Когда мы познакомились, ты была не одна, а сейчас мне выпал шанс. Считай это милым знакомством. Давай скорее сбежим отсюда. – Его тон становится все серьезнее. – На следующей неделе я выступаю в торговом центре. Мой агент утверждает, что все пройдет как по маслу. Не хочу идти туда один. Ты не представляешь, как на меня бросаются женщины!

– Звучит ужасно, – невозмутимо поддакиваю я.

– Пойдешь?

– Чтобы сдерживать твоих болельщиц, норовящих забросать тебя своими трусиками в провонявшем резиной спортивном магазине? Я бы еще клюнула на вкусную еду и на каберне хорошего урожая...

– Хватит! – Девон едва сдерживается. Он не перестает переводить взгляд с меня на Эйдена и обратно, как будто измеряет расстояние между нами.

Эйден довольно откидывается в кресле.

– Ну, ты даешь! – цедит он.

– В каком смысле? – ворчливо спрашивает Девон.

Эйден щурит глаза и выпячивает губы. Ясно, что его так и подмывает нечто брякнуть.

– Выкладывай, Алабама! – требует Девон.

Я даже не пытаюсь угадать подоплеку их выразительного переглядывания. Хотя одна догадка есть: эти двое и Джек – троица друзей, однако Девон и Джек – давние друзья, а Эйден – новичок в команде и излишне честолюбив. Ему хочется блистать в роли квотербека, но на его пути стоит Джек.

– Да ладно тебе! – примирительно бормочет Эйден.

Девон складывает руки на груди.

– Ты говорил, что вечеринка у тебя дома начнется в девять. Ты уже купил пиво? Боюсь, что нет. Не пора ли?

Эйден машет рукой.

– Времени еще вагон! – Он косится на меня. – Ты ужинала?

– Еще нет.

– Так и сидишь голодная?

Не то слово! Но...

– Вообще-то, я...

– Она ужинает со мной, – перебивает меня Девон. От удивления я роняю челюсть.

– Ну-ну... – Эйден сверлит его взглядом, потом небрежно поворачивается ко мне и разочарованно качает головой. – Что ж, тогда в следующий раз, Жизель.

Девон торопит его нетерпеливым жестом.

– Я хочу «Гиннесс». Ты пьешь «Бад Лайт», Холлису подавай «Фэт Файер». Не запутаешься? Лучше поторопись.

– Вечеринка? – спрашиваю я.

Эйден пожимает плечами.

– Будем смотреть бои без правил. Боюсь, будут одни мужчины, иначе ты бы не избежала приглашения.

Он с вызовом смотрит на Девона, как будто говорит: «Попробуй мне помешать», наклоняется ко мне и целует в щеку. Потом с ухмылкой проскакивает мимо него, машет мне рукой, произносит одними губами «позвони мне» и исчезает.

Я с глупой улыбкой смотрю ему вслед. Конечно, я не стану ему звонить. Он очень забавный и умеет заворочить, но меня к нему не тянет – не то, что к *кое-кому* еще. Вот от кого я с ума схожу!

На мой телефон приходит эсэмэс от Тофера. Друг спрашивает, не нужно ли мне чего, и просит прощения за то, что оставил меня одну у стойки: ему позвонил коллега, которому срочно потребовалась помощь. Я пишу ответ, коротко объясняя, что свидание оказалось неудачным.

Это происходит в полнейшей, звенящей тишине. Я чувствую на себе цепкий взгляд Девона. Спрятав телефон, я встаю и так же пристально смотрю на него.

Мысленно я считаю секунды, на шестой секунде он сдается и переключается на кого-то у меня за плечом.

– Какой еще ужин? Не надо мной манипулировать. Я сама справлюсь с Эйденем. Снаружи меня ждет Тофер, я поеду.

– Поезжай.

Оказывается, про ужин он говорил несерьезно. Я сжимаю кулаки.

Он вздыхает.

– Жизель, если тебе нужен кто-нибудь, чтобы обсудить знакомства... – Он с трудом подбирает и выдавливая слова, гримасничает, подается ко мне всем мускулистым телом, но на полпути замирает, как будто не хочет оказаться слишком близко. – Послушай! Не мое дело вмешиваться, но Эйден – не тот, с кем тебе стоило бы... – От смущения он скребет щетину на щеке.

Я бы даже его пожалела, если бы не была так рассержена. Ясно, как день, что бедняга не знает, как со мной поступить.

– Ему нравится злить Джека. Но у девушки свои потребности, Девон.

Он силится еще что-то сказать:

– Жизель...

Я прерываю его:

– Спасибо за лед и за то, что спас меня от Родео. Но больше не надо меня учить, с кем и где мне встречаться. Я взрослая женщина.

– Подожди минутку, – произносит он, когда я пытаюсь пройти мимо него. Девон хватается меня за локоть, и я вся дрожу от охватившего мою руку пламени. Дурацкая конечность, отрубить ее, что ли? Почему она так на него реагирует?

– Жизель. – Он смотрит на мои губы.

То, как он произносит мое имя – хрипло, со скрежетом, – останавливает меня на бегу. У меня перехватывает дыхание.

– Знаю, ты женщина... – Он опять ищет слова, потом спохватывается, что держит меня за локоть, разжимает пальцы,

делает шаг назад и тяжело вздыхает. – Прости.

До чего странное поведение! Сначала на свадьбе сестры, теперь здесь.

Я так взволнована, что слышу свои следующие слова как будто со стороны.

– Джек объяснил, почему назвал меня «запретным плодом»?

– Теперь он твой зять и считает своим долгом тебя защищать. Он нам не доверяет. – Он медлит. – Не сердись на него.

– Я сама решу, сердиться или нет. Значит, это все, что он сказал *лично* обо мне?

Он замыкается, весь деревенеет, прячет руки в карманы.

– Девон?

Он опускает свои зеленые глаза.

– Послушай, мы можем поговорить позже? У меня был тяжелый день, сейчас мне уже пора идти.

Ему не терпится смыться.

Меня оглушает биение собственного сердца, в голове мутно. Ну и что с того, что я девственница? Чего тут стесняться? Вон сколько их вокруг! Главное, что я *сексуальная*. Я запросто могу представить сцену сближения между рослым и до ужаса сексуальным инопланетным воином и его земной избранницей, да так, что мурашки по коже побегут, но при этом никуда не деться от мысли, что сама я, возможно...

– Никакая я не фригидная, – бормочу я.

Он замирает как вкопанный.

– При чем тут это? Если я что-то сболтнул, то это было несерьезно. Ты неправильно поняла...

– Я девственница!

Каждая секунда его потрясенного молчания и поедания меня глазами насыщена осязаемым напряжением. Он делает хриплый вдох и бранится – для меня нескончаемо долго.

– Выметайтесь, все! – кричит Девон, обращаясь к немногочисленным посетителям VIP-зоны. При виде его разгневанного лица все они хватают свои стаканы и послушно покидают помещение.

Я наблюдаю за происходящим, затаив дыхание.

– Он тебя предупредил, да? – спрашиваю я шепотом.

– Жизель...

– Я задала вопрос. Изволь ответить. Таково правило вежливости. – Непроизвольно сжимая пальцы, я жду ответа. Ожидание грозит превратиться в вечность.

Он вытирает рот и проклянувшуюся щетину на подбородке.

– Да.

3

Девон

Жизель Райли сама навредила своей репутации.

Девяносто девять процентов времени она – сама чопорность и безупречность с головы до пят. Мерзавец Престон поступил с ней отвратительно, но она не сказала о нем ни одного дурного слова. Ни разу не слышал от нее бранного словечка, а появиться без укладки для нее, кажется, невозможно.

Но сейчас по ее лопаткам струятся, сверкая, рыжевато-золотистые пряди волос – как раз такие мужчине и хочется наматывать на руку.

Неудивительно, что я не в силах оторвать от нее глаз.

Кто передо мной?

Щеки горят, серебристо-голубые глаза стреляют туда-сюда, она скинула туфли и переминается с ноги на ногу. Подняв на лоб очки, Жизель разворачивается и приближается ко мне. Девушка часто дышит, ее влажная блузка приковывает мой взгляд: видно, как соски приподнимают кружево бюстгальтера. Грудь у нее небольшая, но что с того? Я все равно смотрю на нее во все глаза и прикусываю язык, едва не предложив ей надеть пиджак от греха подальше. Не хочу заслужить затрещину.

А вообще-то я не прочь схлопотать от нее пощечину. Лучше так, чем и дальше по-идиотски на нее тарашиться.

Джек устроит мне выговор, когда узнает, что я дал волю языку. Но мне до лампочки! Пока у него медовый месяц, я здесь вожусь с его не вполне нормальной семейкой. Это тоже нужно учитывать.

– Так я и знала! – говорит она. – Сначала ты от меня отмахиваешься, потом начинаешь причислять меня к скучным и даже чокнутым особам. Когда Джек вернется с Гавайев, я его удушу! – Она изображает, как перекрывает кому-то кислород. – Надеюсь, акула отхватит ему бросковую руку.

Вон до чего договорилась!

– Никогда не считал тебя чокнутой! – Почему я срываюсь на крик? – И ты наименее скучная из всех, кого я знаю.

Ее глаза сверкают, как молнии в грозу.

– Отлично представляю эту картину: раздевалка, он снимает с вас, своей команды, стружку и заодно несет какую-то чушь о бедной невинной Жизель, которая еще никогда... – Ее пухлая нижняя губка дрожит с полсекунды, прежде чем она берет себя в руки и выпрямляется. – Так нельзя. Это переход на личности.

Я развожу руками.

– Мало кто это знает. Об этом обстоятельстве осведомлен только я.

Она напрягается.

– Только ты?

– Я же сказал.

– Ну, да, он шепнул одному тебе в уверенности, что ты растрезвонишь остальным. Ты всегда слушаешься Джека?

Я издаю стон.

– Он мне доверяет, Жизель! Я его лучший друг. Эйден, к примеру, не в курсе, так что держи язык за зубами в его присутствии. Если бы он знал правду... – Мне досадно оттого, что мне трудно представить, на что горазд этот непредсказуемый тип. – Если бы он знал, то, конечно, обходил бы тебя за милю. – Хорошо бы было так! – Надо будет серьезно с ним потолковать. – И от души надрать ему уши.

Ее личико заливает краска.

– Хочешь его предостеречь? Лучше уж тогда разместить платное объявление в газете, Девон. Или напиши в своем Инстаграме. – Она привстает на цыпочках, чтобы быть со мной вровень, что нетрудно: она высокая и гибкая. По тому, как бурно вздымается ее грудь, видно, что она в гневе. В меня упирается стальной взгляд, пухлые губы выпячены, указательный палец тычет меня в солнечное сплетение. От нее хорошо пахнет: это не тяжелый цветочный запах, а что-то легкое, свежее, как будто прошел легкий весенний дождик. Как я раньше не замечал, какая у нее чудесная кожа – цвета персиков со сливками, светящаяся...

Я встряхиваюсь, чтобы лучше усвоить ее слова.

– Ничего я ему не скажу, боже упаси! Это не мое дело. Я о чем... – Почему она так сбивает меня с толку? Вечно в ее

присутствии я сам не свой. Уж слишком она умная, слишком... содержательная.

У меня опять звонит телефон, но я не могу пошевелиться. Все мое внимание поглощено этой сумасшедшей. Она опять тычет мне пальцем в грудь. Я хватаю ее за палец и притягиваю к себе.

– Хочешь меня рассмешить? – Я приподнимаю бровь, моя цель – охладить ее гнев.

Она моргает, как будто сообразив, что оказалась слишком близко ко мне, облизывает губы.

– Нет.

Я чувствую натиск ее груди. Напрасно я считал ее мягкой... Погоди, о чем я?

– Я никому не скажу. И учти, здесь совершенно нечего стыдиться. Чудесно, что ты себя бережешь...

Она не дает мне договорить, ее голос превращается в шипение.

– Оставь свой покровительственный тон. Ты ничего не знаешь о причинах.

– Я не нарочно.

Жизель наконец отстраняется и опять принимается расхаживать туда-обратно.

– Я уже жалею, что он мне сказал, – говорю я ей в спину.

На самом деле мне было полезно узнать от Джека об этом. Когда мы с ней познакомились, она была помолвлена, но с тех пор грязное воображение не раз подсовывало мне разные

картины с ней в главной роли. Я – мужчина, этим все сказано. Увидев раз, ее невозможно забыть. Сам не замечаешь, как, встав под душ, начинаешь фантазировать о ней – в очках, в жемчуге, на каблуках, и это весь ее наряд...

Я трясую головой, прогоняя неподобающие мысли. Это сродни богохульству, она же друг, до нее нельзя дотрагиваться. Между нами проведена жирная черта.

Она с усмешкой на пухлых губах возвращается ко мне. Эта картинка отпечатывается в моем мозгу, как стоп-кадр: вздымающаяся грудь, лицо в форме сердечка, плохо маскируемый юбкой широкий шаг. Она изящна и стремительна, не иначе, училась манерам и движениям на специальных курсах этикета.

Одним словом, она – леди. Хорошенькое дело!

Я на ее фоне – плохой парень. Хуже не придумаешь.

Говоря, что у меня что ни месяц новая девушка, она была недалеко от истины. Женщины слетаются на меня, как мухи на мед, их притягивает моя слава, поэтому я могу быть разборчивым. Когда все кончается, я отпускаю их счастливыми и улыбающимися.

– Тебе не придется долго мучиться, храня мою тайну. Я намерена без промедления избавиться от своего изъяна.

Я тут же представляю себе Жизель в обществе, так сказать, субъекта, на котором пробу негде ставить. Меня охватывает беспричинный гнев, мышцы рук напрягаются. Я уже готов открутить паршивцу башку.

– Объясни.

Девушка вызывающе смотрит на меня и, готов поклясться, уже считает секунды.

– Я бы нарисовала тебе эту картину, но я не художница. Вообрази: щелка с перемычкой, в ней кое-что оказывается, щелк – и перемычка порвана. Готово, никто уже не обсуждает меня *за моей спиной*.

Выпалив эту тираду, она торопится к двери. Обтянутые узкой юбкой с высоким разрезом ягодицы призывно колышутся. Обычно она носит скромные брючки, а в эту юбку нарядилась ради свидания, что дополнительно меня бесит. Происходившее здесь было бессмыслицей с той секунды, как она распустила волосы, расстегнула пуговицы на блузке и вспылила. Лучше бы она оставалась прежней Жизель...

Она оглядывается, теперь ее губы плотно сжаты, объект ее гнева – я.

– Никогда больше не назову тебя на «доске» в моем Pinterest Вапеком!

– Не знаю, о чем ты! – кричу я ей вслед.

Она молча вылетает за дверь. Черт бы ее побрал, в таком состоянии с нее станется подцепить какого-нибудь случайного ковбоя и спешно проделать обещанное с его помощью.

Я бранюсь себе под нос.

– Подожди, Жизель! Давай обсудим! Ты забыла туфли и эти свои... – Я хватаю ее туфли и заколки и бегу за ней. Она опередила меня на целый десяток ярдов и теперь лави-

рует среди посетителей, описывая замысловатые петли, минует вышибалу. Двери распахиваются – и она исчезает.

Хорошо хотя бы то, что она покинула клуб. Доберется до дому и успокоится. Позвоню ей завтра, мы поговорим, и все обойдется. С другой стороны, мне очень не хочется, чтоб она провела всю ночь в расстроенных чувствах. Раньше я действительно собирался при случае пригласить ее поужинать. Обвести вокруг пальца Эйдлена – милое дело, но почему бы нам не приземлиться в «Милано»? Она бы села напротив меня, объяснила бы, чем вызвано ее решение прибегнуть к интернет-знакомству; я бы продемонстрировал свое умение вести себя прилично. Я бы мог много чего ей посоветовать... Одно ясно: все, кого она называет, никуда не годятся. В последнее время она растеряна, выглядит подранком, поэтому... Я бегу к выходу, полный решимости ее догнать и заставить объясниться.

– Девон! Подожди!

Чувствую на своем плече чью-то руку. Я чертыхаюсь и останавливаюсь. Тон Селены не предвещает ничего хорошего.

– Я спешу. В чем дело?

У нее измученный вид, она съела почти всю помаду с губ. Мы с ней почти одногодки и довольно похожи. Она тоже темноволосая, тоже зеленоглазая, тоже рассерженная. Наши матери – сестры, мы росли по соседству. Я поселил ее здесь год назад, когда она приехала из Калифорнии.

– Чьи это туфельки? – она указывает на туфли Жизель у меня в руках. – Если у тебя проснулся интерес к женской обуви, я могу подсказать тебе несколько магазинчиков в центре города.

– Жизель, девушки, которая здесь упала, видела? Она сбегала. – Я разрываюсь между желанием догнать Жизель и чувством долга перед Селеной.

– Я уже ей симпатизирую. Одобряю твой выбор.

– Она – друг, сестра Елены. Ты еще с ней не встречалась.

– Я обратила на нее внимание. Парень при ней был козел козлом, а она мне приглянулась.

– А мне нет. – Я предпочитаю испытывать к женщине умеренный интерес, чтобы своим чередом забыть ее. Жизель принадлежит к другой категории.

Селена вздыхает.

– Какая-то паршивка однажды разбила тебе сердце, с тех пор ты циник. Мне бы хотелось нянчить племянника или племянницу. Куда бы Ханна ни подевалась, очень надеюсь, что ей худо без тебя.

Опять она за свое!

– Хватит об этом. Что у тебя за проблема? – Я в нетерпении похлопываю себя по бедрам.

Она кривит губы.

– Вторая официантка так и не явилась, вентиляция не работает, а так все в шоколаде. Придется нанимать новых барменов. Специалист по вентиляции придет утром.

– Как я погляжу, все под контролем. – Я стараюсь не вникать во внутренние проблемы клуба. Я приобрел его как вложение средств. Абсолютный приоритет для меня – футбол. – Еще что-нибудь? – Хочу сосредоточиться на ее словах, но могу думать только о том, не обожжет ли Жизель ступни о раскаленный асфальт и нашла ли она уже Тофера; еще меня не отпускает недоумение. Чем вызваны повторяющиеся звонки отца? Я бы ответил ему раньше, но не мог себе позволить перестать наблюдать за Эйдемом. Джек четко распорядился не подпускать его к Жизель. Именно поэтому я и вмешался.

– После ухода Ренди ты разрешил мне нанять кого-нибудь другого. Но кого бы я ни интервьюировала, никто не подходил. Обязательно нужен человек, иначе это место утратит популярность. – Селена держит поднос и, выжидаяще на меня глядя, подпирает его бедром.

Я решаю проблему за три секунды.

– Теперь старший менеджер – ты. Надо было тебя назначить сразу после его увольнения. Найми вместо себя бармена. Вопрос снят.

Она радостно и гордо сверкает глазами.

– Ничего не выйдет. Весь клуб я не потяну. У меня даже нет диплома по бизнесу!

– Ты умная, работающая, тебя все уважают. Действуй! Хватит, возвращайся к работе.

Я уже намерен продолжить преследование Жизель на пар-

ковке, но Селена прыгает мне на шею и крепко обнимает. Поднос падает на пол, она болтает ногами в воздухе. Я хлопаю ее по спине.

– Да, вот такая между нами любовь...

– Даже не знаю, что бы я делала, если бы ты не устроил меня сюда. А ты уже меня повышаешь... Я что, выиграла в лотерею? – Она чмокает меня в щеку. – Какая теперь у меня зарплата?

Жизель уже, наверное, далеко. Я вздыхаю.

– Что ты сама предлагаешь?

– Столько же, сколько получал Ренди, плюс десять процентов.

– Плюс два. У Ренди был опыт. Он заправлял в трех других местах, прежде чем наняться сюда.

Она кусает губу.

– Плюс пять, и я еще сегодня нанимаю новых официантов и нахожу лучшего во всем Нэшвилле старшего бармена. Сам знаешь, я могу.

Я ухмыляюсь. Она действительно незаменимый работник.

– Три процента прибавки, и ступай уже.

Она смеется, делает пируэт и бежит к стойке.

Снова звонит мой сотовый. Я зажимаю туфли Жизель под мышкой и достаю телефон из кармана. Нажимаю зеленую кнопку, надеясь услышать голос отца. Но это не он.

– Как только ты там появишься, все сразу начнут тебя снимать. Люди обожают драмы, особенно в жизни знаменитостей. Все твои дела будут рассматривать под микроскопом, – говорит Лоренс, когда мы вылезаем из машины.

– Знаю, – отвечаю я. С самого колледжа я нахожусь в свете рампы, просто Лоренс – неукротимый болтун.

– Лучше бы ты не заезжал в этот квартал на такой тачке. Слишком заметная, привлекает воров.

Я кошусь на красную «Мазерати», мою любимицу и гордость. Управляя ей, я всегда вспоминаю, какой большой путь проделал после бедного детства в Калифорнии.

– У нее есть имя – «Красненькая».

– Сексуально!

Я ухмыляюсь.

– Твой костюм от Тома Форда за пять тысяч баксов тоже виден за милю. «Сюда, вытащите у меня бумажник!» – надывается он.

Он поглаживает свой галстук.

– Уже не верится, что мы с тобой и Джеком зависали здесь, когда учились в колледже. Столько энергии – и никакого похмелья! С ума сойти! С тех пор я успел состариться, развестись, стать плательщиком алиментов. Черт, как же я тоскую по тем денькам! А ты?

– А я нет. – Я не скучаю по колледжу. Однажды мы выиграли национальный чемпионат, было дело, этого я стараюсь не забывать, но к приятным воспоминаниям подмешиваются горькие – из-за Ханны.

Он вздыхает. Мы останавливаемся на Уилбур-стрит, перед баром Рикки. Отсюда всего несколько кварталов до стадиона и до моего дома.

Я натягиваю на голову капюшон толстовки, надеваю темные очки. Лоренс шурится.

– Предлагаю последний раз: я схожу за ним сам, ты посиди в машине. Никто не узнает, что вы с ним родня.

Я отмахиваюсь.

– С тобой он не пойдет. Так будет только хуже.

Мы вваливаемся в бар. Там все как обычно: липкий пол, залитые пивом стены, длинная стойка с красными табуретами, старые люстры на потолке с желтыми подтеками. Помещение распланировано с перспективой возникновения беспорядочной пальбы: здесь целых четыре выхода. В одну дверь вошли мы, другая прячется в темном коридоре с отталкивающими уборными, за бильярдными столами, третья в кухне, четвертая – в кабинете владельца, если он себе на уме. Я тяжело вздыхаю. В местах, вроде этого, прошли мои подростковые годы: я мыл посуду, скреб полы, выносил мусор. Отец держал бар, потом разорился; остаток жизни он только и делает, что шатается между питейными заведениями, упорно попадающими на его пути.

В этом воняет потом, жирной жареной картошкой и дешевыми духами. Трое мужчин играют в бильярд, две пожилые женщины пьют пиво по соседству с музыкальным автоматом, скулящим голосом Тэмми Уайнетт, на нескольких табуретах утвердились задницы, по бару бродят неприкаянные выпивохи.

Мы подходим к стойке, не вызывая интереса ни у кого, кроме пожилого бармена. У него седая борода, очки, обтянутое рубашкой брюхо и шляпа с эмблемой команды «Нэшвиллские Тигры». Он – наш болельщик; остается гадать, хорошо это или плохо.

Наклонившись к нему, я тихо спрашиваю:

– Это вы звонили насчет Гарретта Уолша?

Он отставляет стакан, который протирал, кивает и указывает на темный коридор.

– Полчаса назад он пошел в туалет и там застрял. Вы его сын?

Я с гримасой разглядываю трещины на потолке.

– Ага.

Он трясет мне руку.

– Рикки Бернс. Мне нравится, как вы бегаєте с мячиком. Я нашел в его телефоне твой номер. – Он достает из-под стойки потрескавшийся телефон. – Он оставил его включенным, вот я и позвонил последнему, кому звонил он. Понял, что это вы, только когда увидел имя. – Он хмурится. – При всем уважении, сынок, его мы больше здесь видеть не хотим. Он

распугивает спокойных клиентов и задирается. Пытался затеять драку с бильярдистами. Увижу его снова – вызову копов.

Мне тошно от его речей, но я справляюсь с собой. Сколько раз я уже такое слышал!

– Благодарю, что не вызвали полицию сегодня.

– Никаких проблем. – Он берется протирать следующий стакан.

Лоренс достает из кошелька деньги, но Рикки отводит его руку.

– Это лишнее. Просто уведите его. – Он тихо продолжает, глядя на меня исподлобья: – До вас его искали еще двое – крутые, со шрамами и татуировками. – Он смотрит на сережку в моей брови и на синих бабочек на моих кистях. – Я сказал им, что его здесь нет, но вас решил предупредить.

– Чего они хотели?

Он приподнимает бровь, как будто я не в своем уме, усмехается.

– Я не задаю вопросов, но, судя по их решительному виду, могу предположить, что дело в деньгах. Я стар, этот бар – вся моя жизнь. Мне ни к чему неприятности, понимаете?

Что здесь может быть непонятного?

– Спасибо вам.

Лоренс разглядывает посетителей.

– Не возражаете, Рикки, если мы выведем его через заднюю дверь?

– Выводите, откуда хотите. Сработает сигнализация, но я отключу ее.

Мы доходим до края стойки и углубляемся в проход, освещенный тусклой лампочкой на гнупом шнуре. Я громко стучу в дверь мужского туалета.

– Отец, ты здесь? Открой, это я.

Я дергаю дверцу, она заперта. Меня охватывает отчаяние. Накатывают воспоминания детства: как, вернувшись домой с футбола, я находил его вырубившимся на ступеньках нашего трейлера, затаскивал внутрь и укладывал спать.

– Дай, я попробую. – Лоренс теснит меня и стучит еще сильнее.

– Вылезай из сраного сортира, не то мы вызовем долбаных копов!

– Полегче, – прошу я. Он пожимает плечами.

– Я знаю, как за это браться. Кто захватил с собой толстовку? Кто совал старикану деньги? Твое дело сторона. Я несу службу круглосуточно, семь дней в неделю. Мое любимое занятие!

– Нэшвилл от меня без ума! – Я твержу ему это всякий раз, когда он заговаривает о том, чтобы заделаться моим агентом по связям с общественностью. Мне агент ни к чему. Джек – другое дело, у него было бурное прошлое, так что Лоренс пришелся ему кстати. Мир тесен: вышло так, что наша троица вновь объединилась в одном городе. Джека пригласили играть в Нэшвилл сразу после колледжа, Лоренс вырос

здесь, он открыл здесь собственную фирму для спортсменов, я играл в Джексонвилле, а потом мне повезло: несколько лет назад меня переманили в Нэшвилл. Счастливое воссоединение троих друзей!

– Гляди, что у меня есть! – Я достаю заколку Жизель и после трех неудачных попыток вскрываю замок.

– Спрашивать, откуда у тебя в кармане женская заколка?

– Не надо.

– У тебя получается лучше, чем можно было подумать, – ноеет он.

– Он пил и запирал меня. Станешь тут изобретательным.

– Чтоб меня! Здесь воняет мочой. – Просовывая голову в туалет, Лоренс закрывает платком рот.

Отец лежит на спине перед раковиной, широко раскинув руки. Его грудь приподнимается и опускается, значит, он жив. Ком у меня в груди рассасывается. Последний раз я видел его месяц назад. Я кормил его ужином. Тогда он был ничего: немного беспокойный, но хотя бы трезвый.

Я отодвигаю Лоренса, наклоняюсь, трясущ отца за плечо.

– Давай, просыпайся. Мы отвезем тебя домой.

Постепенно он приходит в себя, моргает, гримасничает, стонет. Мне в нос бьет запах пива.

– Где я? – хрипит он.

– В вонючем туалете. Чужом. – Теперь гримаса искажает мое лицо. Видя его таким, я вспоминаю, почему сам напился всего раз в жизни.

– У Рикки?

Я утвердительно киваю. У него заплетается язык, но вообще-то он еще не в худшем состоянии. Его опьянение бывает разным. Мне известны все степени. В этот раз он по крайней мере помнит, где был.

– Я поругался с Дотти, – бормочет он. – Я пытался тебе звонить, Дев, но ты не брал трубку. Ты на меня злишься?

Меня жжет чувство вины, что я не отвечал на его звонки.

Дотти – его подружка, они познакомились на собрании анонимных алкоголиков и с тех пор то сходятся, то расходятся.

– Пошли. – Я поднимаю его под мышки и с кряхтением сажаю на унитаз. Он раскачивается взад-вперед, скребет щетину у себя на лице. Когда-то белая рубашка с эмблемой рок-группы *Grateful Dead* вся в бурых пятнах. Мне больно видеть его засаленные волосы, темные круги под глазами, порезы на руках. Не хочется озиаться на Лоренса, наверняка осуждающе глядящего на всю эту картину, поэтому я нахожу себе занятие: смачиваю бумажные полотенца и протираю отцу руки.

– Как это случилось?

Он удивленно смотрит на высохшую кровь, щурится.

– Не помню... – Отец пытается вырвать руку, но я крепко его держу.

– Обойдется без швов, но нужна дезинфекция. – Голос у меня дрожит, я скриплю зубами. Когда мне было шестна-

дцать лет, он сошел с тротуара на мостовую, попал под машину и угодил в больницу с переломами обеих ног. Накануне моего отъезда из Калифорнии для игры в команде колледжа он вдрызг разругался с соседом напротив и опять слег, на этот раз со сломанным носом, двумя сломанными ребрами и сотрясением мозга. Мне пришлось на три дня опоздать в летний тренировочный лагерь – ухаживал за отцом.

– Бывало и хуже, – ворчит он, как будто читает мои мысли.

Наши глаза встречаются, его, налитые кровью, говорят о многом. Лицо у него костлявое, землистое, все в морщинах – гораздо старше его пятидесяти лет.

– Смотри, посадишь печень, – выдавливаю я. – Давно у тебя запой?

Он пытается встать, хватаясь за стену, потом трет пальцами глаза.

– К черту... плевать. – Первая попытка сделать хотя бы один шаг едва не приводит к падению.

Я ловлю его и ставлю прямо. Мы одного роста. На помощь мне приходит Лоренс, отец закидывает руки нам на плечи, и мы медленно ведем его по коридору к выходу. Моя спина под толстовкой обливается потом. Мы выбираемся на безлюдную стоянку, где я жадно ловлю ртом свежий воздух.

Вот и моя «Красненькая». Лоренс держит моего отца, я открываю машину; мы сажаем отца внутрь и пристегиваем его ремнем.

– Позвони Дотти, скажи ей, что мне жаль... – Язык цеп-

ляется за зубы, он откидывает голову на подголовник и закрывает глаза.

Нет уж, обойдемся без звонков. Его личная жизнь печально напоминает мою. Увидев его во всей красе, заглянув в выгребную яму связанной с ним ненадежности, женщины шарахаются. Я уже семь лет не показываю девушкам, какой я на самом деле. Я захлопываю дверцу и смотрю на Лоренса.

Его лицо ничего не выражает – и на том спасибо. Сочувствие сейчас вывело бы меня из себя.

– Ты делаешь это далеко не впервые, – тихо говорит он. – Черт, Девон, почему ты никогда не говорил мне, что он...

Я прерывисто вздыхаю. Джек знает почти все, но даже он ни разу не видел моего папашу в таком состоянии.

Лоренс достает телефон.

– Ладно, если я тебе понадобится, всегда пожалуйста. Я вызову «Убер». Позвони мне завтра, можем поболтать.

– О чем? – Зря он считает, что надо пережевывать этот досадный эпизод.

Он поднимает на меня глаза.

– Его искали какие-то отморозки. Надо узнать, зачем он им.

– Он просто пьяница. – Мой отец – алкоголик, но я стесняюсь произносить это слово вслух.

– Сколько денег ты ему даешь в месяц, Дев? Не считая оплаты всех его счетов?

– Не твое дело. – У отца есть работа, но я все равно сую

ему деньги. Отец все-таки, да и денег у меня хватает. Для Селены тоже. Кроме них, у меня никого нет.

– Так я и думал. Ты даешь слишком много, – бормочет Лоренс. Взгляд у него при этом такой, словно он силится заглянуть мне в душу. Он идет на угол, к припаркованной там черной машине. – Как ни жаль мне пропускать вечеринку у Эйдена, сегодня вечером у меня свидание с девушкой. Звони! Если я тебе понадобится, суперзвезда, то я в твоём распоряжении. – Он шлет мне воздушный поцелуй.

Я глупо ухмыляюсь, стряхивая напряжение.

– Береги себя, дубина. Спасибо за бесплатное содействие. Он садится в машину, захлопывает дверь и уезжает.

Я залезаю в свой автомобиль.

Как я и боялся, отец тут же открывает глаза и начинает плевать.

Я достаю из бардачка мокрые салфетки, чтобы как-нибудь привести его в порядок, потом двадцать минут тащусь в восточную часть Нэшвилла, на окраину, застроенную однотипными одноэтажными домиками со скромными лужайками впереди. Я подобрал для отца этот домик, сразу как сам переехал, еще до того, как он перебрался в Нэшвилл. И работенку нашел для него неподалеку – в автосалоне всего в квартале отсюда.

Я помогаю ему выйти из машины, дотаскиваю его до темного дома, пытаюсь включить свет у входной двери, но только зря щелкаю выключателем. Приходится, чертыхаясь, во-

лочить его в темноте в спальню, где свет все-таки работает. Я облегченно перевожу дух: хотя бы не придется чинить проводку. Я раздеваю отца до трусов, кладу его на бок, ставлю рядом с ним тазик на случай, если его опять станет тошнить. Я еще не успел его укрыть, а он уже храпит.

Я умываюсь в ванной и заглядываю к нему. На тумбочке у кровати стоит фотография: он, мать, десятилетний я. Мать улыбается, но вид у нее все равно отсутствующий, словно ее мысли витают где-то далеко от мужа и прижавшегося к ней сына.

«Я так и не смог сделать ее счастливой, – звучат у меня в голове слова отца. – Заделал ей тебя, и все».

Я невольно вспоминаю ее бегство из трейлера. Раскидывая пинками пивные банки, она прижимала к груди линялую дорожную сумку. Ее поджидала машина, за рулем сидел незнакомец. Я бежал за ней и умолял не уезжать. «Я вернусь», – пообещала она с измученным видом. Через месяц я заболел моноклеозом, а она так и не вернулась. Она не приехала ни поздравить меня с тринадцатилетием, ни на Рождество. Она вычеркнула меня из памяти, словно меня никогда не существовало.

Отец приводил женщин одну за другой, и я липнул к ним в поисках любви. Они завоевывали мое детское сердце, а потом одна за другой следовали по стопам моей матери. «Пока, Девон, будь умницей, заботься об отце». Бонни, Мэрилин, Джесси – ни одна не задержалась надолго. Теперь я по-

нимаю, что все они были шлюхами, которых отец цеплял в барах, а тогда мне страсть как хотелось, чтобы хоть одна из них осталась подольше.

Но зачем-то он сохранил эту фотографию... Я хватаю ее, сжимаю рамку, с трудом подавляю желание порвать фотографию, навсегда вычеркнуть мать из нашей жизни.

«ТЫ ГДЕ? Я КУПИЛ ТЕБЕ ПИВА, БАЛБЕС».

Появляется сообщение в моем телефоне.

«ИЗВИНИ. НЕОЖИДАННАЯ ЗАДЕРЖКА».

Отвечаю я Эйдену.

«А ТЫ ЕЩЕ ПРОСИЛ МЕНЯ НЕ
ЗАДЕРЖИВАТЬСЯ! КОГДА ПРИЕДЕШЬ?»

Я оставляю фотографию на тумбочке и иду на кухню. Там чудовищный бардак: пустые бутылки из-под пива, пустые контейнеры от покупной еды, грязная посуда всюду, куда ни глянь. Я жмурюсь, как будто надеюсь, разжав веки, увидеть образцовый порядок. Странно, но этого не происходит. Я падаю на табурет и пишу ответ:

«СРОЧНОЕ ДЕЛО. УВИДИМСЯ ЗАВТРА».

Эйден раздражается серией сердитых ответных посланий, но я их даже не читаю. Отец важнее.

Жизель

Тофер чмокает меня в щеку и распахивает дверцу. Я поднимаюсь по ступенькам старого кирпичного дома в три этажа, с просторной квартирой на каждом. Здесь все хорошо, даже хозяйка, Миртл.

Сейчас она, надев цветастый халат, выгуливает своего йорка Пуки, обнюхивающего наше единственное деревце. Ей шестьдесят, но она – моя лучшая подружка. Достав из-за уха самокрутку, она закуривает. Так она борется со своими чудовищными мигренями, но травку достает незаконными путями, что изрядно меня тревожит. Держа самокрутку ярко намазанными губами, она затягивается. Сорок лет назад она, нью-йоркская манекенщица, вышла замуж за второстепенного кинопродюсера, потом развелась и подалась в Нью-Швилл с намерением стать певицей кантри, но карьера не заладилась. Теперь она домовладелица, сдает квартиры и сочиняет стихи – иногда их даже печатают.

С болью глядя на мои босые ноги, она цедит:

– Прекрасный принц?

Я плюхаюсь на третью ступеньку.

– Он носит обувь из кожи аллигатора.

– А как же эму?

– До этого не дошло, я побоялась спрашивать. Теперь мне срочно надо выпить вина в обществе какого-нибудь актера, вроде Рагнара Лодброка. У вас не намечается встреча с викингками?

Она выдыхает дым.

– Возможно, завтра.

– Как ваша голова?

– Получше. Как твоя встреча с консультантом?

Я в ужасе рассказываю о встрече в Вандербильтском университете.

– Он не даст мне рекомендацию в ЦЕРН. Моя учеба оставляет желает лучшего, моя работа в прошлом семестре его не впечатлила. – Я горестно вздыхаю. Насчет прошлого семестра он не так уж неправ.

Дым обволакивает ее, я наслаждаюсь ароматом.

– Я заждалась очередной главы про Варека и Кейт. Ей удастся сбежать с корабля?

Я уже пять месяцев пишу научно-фантастический роман с любовной интригой. Замысла написать роман не было – он стал сочиняться сам по себе. С тех пор как в начальной школе я узнала про Эйнштейна, в центре моего мира находится наука, писательство же – способ развеять разочарование.

– Он наконец убедился, что она здорова, и выдал ей одежду, но она сидит взаперти в антигравитационной камере и не может выйти за порог. Сначала ей надо отключить пульт управления, а она не знает, как это сделать. Я тоже.

– Отключение энергии на всем корабле? – предлагает она. – Ее ручная змея приползает в камеру с набором необходимых инструментов?

– Бинго! Змея, конечно, умеет носить инструменты.

– Это инопланетная змея. Пускай у нее будут пальцы.

Я достаю смартфон и записываю.

– Или так, например: у тюремщика тревожный сон по причине непростого прошлого, в приступе сомнамбулизма он сам отпирает дверь...

– Ну, да, ведь его неосознанное желание – переспать с ней! Оснасти своего фиолетового инопланетянина членом, и побольше, размер имеет значение. Плевать, что потом напишет «Cosmopolitan»!

Я ухмыляюсь.

– Она выскакивает за дверь и пытается удрать, он ловит ее, они вместе падают на пол. В нем семь футов сплошных мускулов, она миниатюрная, он в жизни не видел существа женского пола ее окраски... – Я перехожу на бормотание, голова пухнет от идей. Когда я поднимаю глаза, выясняется, что она следит за мной со снисходительной улыбкой.

– Когда ты о них говоришь, у тебя горят глаза. В тебе сидит художник.

Если бы... Я со вздохом убираю в сумку телефон.

– Одноклассники засмеяли бы меня за эту писанину.

– А ты наплюй на чужое мнение. Послушай меня, возраст учит перспективе. Хочешь быть счастливой – делай то,

что запускает твое сердце в полет. Каждый твой вдох должен быть наполнен смыслом. Чего ты хочешь *на самом деле*, Жизель?

Я не знаю. Уже не знаю.

Ее слова не проходят незамеченными, я не могу о них не думать. Теперь, когда ЦЕРН отпал, мои карьерные цели окутаны туманом. Чем мне заняться? Завершить образование. Преподавать. Заниматься наукой. Не без этого, а что еще? Как насчет любви, как насчет грез о семье? Если разобраться, физика – это единственное, что у меня осталось, единственное, чему я доверяю. Предстоящая жизнь кажется мне пустой, горло сводит от тоски.

Пуки, справив малую нужду, запрыгивает мне на колени. Я глажу ее по спинке, поправляю розовый беретик между ушек.

– Я столько раз ошибалась! Взять хотя бы неудачу с Престоном. Физика по крайней мере не чревата разочарованием. – Меня удивляет собственный горестный тон – подтверждение того, что день выдался хуже некуда. – Я повздорила с Девонном.

– Ах, милая, столкновения – не твой путь. Расскажи мне все, ничего не забудь.

Она садится рядом со мной, и я описываю свое свидание с Родео, потом разыгрываю в лицах свою мини-стычку с Девонном.

Это мучительно, особенно гадкие эпизоды, которые луч-

ше бы забыть, но у меня, что называется, эйдетическая память: я в точности запоминаю ментальные образы, их речевое сопровождение и много чего еще. Мне никогда не забыть запах Девона, ощущение, которое у меня было, когда я прильнула к его груди. Точенные каменные мышцы, аромат лета, сладостный мужской вкус. Все это я суммирую словами:

– Со мной случился старомодный приступ раздражительности, и я вылетела вон. Это все Джек виноват: теперь я, с точки зрения Девона, нуждаюсь в защите. – Я чешу Пуки под подбородком. – Стоит ему меня увидеть, как он вспоминает о моей девственности. Он ломает голову, что со мной не так. Теперь понятно, почему он так на меня глазел на свадьбе Елены.

Она шлепает меня по руке, хлопает густо покрашенными ресницами и сует мне косяк.

– Судя по твоему виду, тебе неврдно курнуть.
Я усмехаюсь.

– Не отказывайся, будет польза. Раскрывает мозги, высвобождает мысль. – В подтверждение своих слов она игриво приподнимает брови.

– Сейчас мне нужно напрячь мое серое вещество.

Она смеется. У меня звонит телефон. Мама. Я со стоном включаю автоответчик и встаю.

– Может быть, в следующий раз. Меня зовет дочерний долг.

Ставя собачонку на ступеньку, я изучаю лицо хозяйки.

– Как прошел день у вас? Все путем?

Она активно жестикулирует руками, унизанными перстнями.

– В подвале повылетали пробки. Ох уж мне это электричество! Мусоровоз так и не приехал. Пуки нагадила мне в комнатные туфли. Все как обычно. – Она тушит свой косяк, прячет его за ухо и направляется к входной двери.

– Значит, ничего выдающегося?

Она морщит нос.

– Если тебе любопытно, говорила ли я с мистером Бруксом, то нет, не говорила. Зачем мне его лысая башка и сморщенные губы? Пусть целует мою петунию.

Я обнимаю хозяйку. Брукс – ее давний приятель, они расстались примерно тогда же, когда мы с Престоном. С тех пор мы жалуемся друг другу.

– Жалко.

– Он годится для того, чтобы немного с ним поразвлечься, но переживать из-за него? Слишком много чести.

– Мы с вами – два сапога пара. – Мы вместе поднимаемся по лестнице, я помогаю ей преодолеть последние ступеньки.

– Зря я не захватила палку, – ворчит она, когда мы подходим к лифту – тесному, зашарканному и темному, но исправно делающему свое дело. Кабина стоит на первом этаже, я нажимаю кнопку вызова. Дверцы раздвигаются.

– Вам надо заменить коленный сустав, – говорю я, поддерживая Миртл за локоть. – Вы же знаете, я буду за вами

ухаживать, пока будете поправляться.

Она отмахивается и подставляет ногу, чтобы дверцы не захлопнулись.

– Как насчет суши завтра вечером?

Я согласно киваю.

– Роллы-пауки и жареные вонтоны. У вас.

Она указывает пальцем на одну из двух дверей на втором этаже.

– Давай пригласим нового жильца. Его зовут... – Она наклоняется ко мне и переходит на шепот: – Джон Уилкокс. Только сегодня поселился. Красавец, всего пятьдесят с небольшим.

Глаза у нее так и сияют. Она уже знакомила меня с бакалейщиком, с пекарем, с парнем, разносящим воскресную газету. Все без толку.

– Заберите его, пожалуйста, себе.

Она обдумывает предложение.

– У него кошка, а у меня аллергия.

– Примите «Бенадрил».

Она гладит себе подбородок.

– Вообще-то вечернее поедание суши – женское занятие. Так сложилось исторически.

– На то и правила, чтобы их нарушать, – возражаю я.

Она ухмыляется.

– Следуй своим принципам, Жизель.

– Предложите ему. Получится славный вечерок, – щебечу

я и прощально машу рукой. Она едет к себе на третий этаж, а я поднимаюсь по лестнице к себе.

Виски у меня нет, но нашлось вино. Правда, стоит мне поднести к губам бокал, как звонит моя мать.

– Мама! – радостно говорю я. – Я соскучилась. Уже девять!

– Кандидатура одобрена? – Ни спросить, как я, ни даже поздороваться!

– Он оказался звездой родео, которая гордится пряжкой на своем ремне. Но, вообще-то, я надеялась, что Тофер потерпит хотя бы до завтрашнего дня, прежде чем разболтать тебе о моем свидании.

У Тофера и у моей матери бывали трения, когда он проживал под одной крышей с моей сестрой. *«Неприлично делить кров с мужчиной»*, – твердила мать. Но теперь, когда Елена вышла за Джека, мать успокоилась и относится к Тоферу, как к своему. Не уверена, что это лучше.

– Тофер не умеет хранить тайны. Не будь он геем, я бы тебе посоветовала выйти за него замуж. Он заглянул за баночкой *«Sun Drops»* к нам в салон, когда я прибиралась перед закрытием, ну и...

– Первым делом он побежал сплетничать к тебе. – Ничего, я ему отомщу!

Мы болтаем несколько минут, а потом она бросает заготовленную гранату.

– В воскресенье твой день рождения. К полудню я вернусь из церкви. Изволь быть здесь к часу дня, милая.

Я ставлю бокал и до боли в пальцах сжимаю телефон. Что-то не нравится мне ее голос...

– Не надо ничего придумывать, мама. Ты, я, тетя Клара, Тофер, больше никто не нужен. – Я рву нитки из своего синего дивана. – Елена и Джек еще не вернутся. Может, лучше подождать?

– Нет, отпразднуем день в день.

От решительности в ее голосе я скрежещу зубами. Моя мамаша – настоящий бульдог.

– Лучше подождем, мама.

В короткой паузе я представляю мать в ее солидном кирпичном доме в Дейзи. Наверное, она уже облачилась в свой синий халат до пят с кружевной оторочкой. Уютно устроилась в мягком откидывающемся кресле и смотрит программу теленовостей. Безупречная прическа, свежий маникюр, на коленях журнал «*People*». Рядом с ней стоит чашка мятного чая.

– Мама?

– Избавляйся от своих призраков. Престон...

Меня так тошнит от одного этого имени, что следующие десять секунд я держу телефон в вытянутой руке. Иногда мне кажется, что ее наш разрыв подкосил сильнее, чем меня саму. Сначала она колебалась, ведь раньше Престон встречался с Еленой, но все же он юрист, живет в Дейзи, при деньгах.

При таком количестве положительных качеств она не смогла ему сопротивляться. Она уже спланировала нашу свадьбу, заказала альбом в своей любимой цветовой гамме (с преобладанием розовых тонов), подобрала цветы, место, музыкантов...

Я опять подношу телефон к уху.

– Разве ты раньше по нему не сохла?

– По кому?

– Ты что, не слушаешь? Я о Майке Миллингтоне, новом директоре средней школы у нас в Дейзи. Он недавно развелся. Был женат на девушке из Тулейна. Она была ему неверна, зато у него трехлетняя дочка – само очарование. Самый подходящий возраст, чтобы ты смогла заслужить ее доверие и послужить образцом для подражания...

– Вовсе я по нему не сохла! – Майк старше меня на четыре года, он жил по соседству от нас, пока не уехал учиться в колледж. Да, я писала в тетрадке наши с ним имена и рисовала вокруг сердечки. В тринадцать лет!

– Однажды он приковал меня наручниками к дереву, – напоминаю я маме.

– Пластмассовыми. Не надо преувеличивать.

Я отвлекаюсь от воспоминаний, потому что догадываюсь, что к чему.

– Мама! Ты пригласила его ко мне на день рождения? Зачем?

– Не сердись, милая. У него умерли родители: сначала

отец, через несколько месяцев мать. Он вернулся в Дейзи и поселился в их доме. Он строит жизнь заново, я просто поступаю по-соседски. Детали не должны тебя волновать, я все беру на себя.

Она, конечно, думает, что мне не везет, но это не так, я сама виновата, что выбираю не тех.

– Я не видела его целых десять лет! – фыркаю я и принимаюсь расхаживать по комнате. – Не желаю жевать, сидя напротив него! Это мой день рождения, мне и...

– Я посажу вас рядом.

– Зачем?! – взываю я.

Сначала на том конце тихо, потом я слышу ее дыхание, наконец до меня доносится ее сдавленный голос с явственной ноткой обиды.

– Да, милая, сладость этого дня изрядно приправлена горечью, но ты заслуживаешь праздника. Хочу доставить тебе хоть какую-то радость.

Я закрываю глаза. Когда я была неуклюжей старшеклассницей, то коллекционировала насмешки и то и дело попадала на видео, а мой отец умудрился разбить машину, впасть в кому и уже из нее не вышел. Это случилось на мое шестнадцатилетие. С тех пор я зареклась праздновать свой день рождения. Так родилось проклятие.

И холодность.

Я выпускаю весь набранный в легкие воздух.

– Давай сделаем как всегда: скромно, тихонько.

Я слышу, как звенит о блюдец ее чашка.

– Отозвать приглашение нельзя, любой хорошей хозяйке известно, что это недопустимая грубость. Ничего, когда все соберутся, ты будешь рада. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Я морщу нос.

– Когда все... – Что она задумала? – Может, ты и моего детсадовского дружка пригласила?

– Как его зовут?

– Джуд... Не важно. Не смей набивать дом перспективными женихами, мама! Мне не нужен мужчина, мне надо работать. – В последнее время у меня диаметрально противоположные мысли, но я не могу рассказать ей о своем поиске, не имеющем никакого отношения к любви. Чувства здесь совершенно ни при чем. Все сводится к самому акту.

Я таращусь на стену, теребя ожерелье на шее.

– Раз так, я требую спиртного.

– Это Божий день.

– Хотя бы шампанского. Иисус меня понял бы.

– Хорошо, – говорит она после паузы.

Я смотрю на телефон, как будто жду, что сейчас из него вылезет моя матушка о двух головах. Она и компромисс?..

Я вздыхаю, скрежещу зубами.

– Я не буду наряжаться.

– И не надо, милая, – воркует она победным тоном. – Оденешься, как всегда. Как всегда, прекрасно.

Ну, конечно, ведь у меня с ней одинаковый стиль.

– Ну, гляди у меня!

– Ты у меня воспитанная девочка, не то что твоя сестра.

Я ухмыляюсь. Елена – моя полная противоположность: удрала учиться в Нью-Йорк (лишь бы сбежать с Юга), путешествовала по Европе, потом, вместо того чтобы стать врачом, заделалась библиотечаршей, а кем оказалась? Модельером сексуального нижнего белья. Она – бунтарка, а я так, в запасе. Мать уверена, что я никогда не оступлюсь, но в последние дни я балансирую на канате и не знаю, в какой момент упаду – и куда. Я со вздохом сообщаю матери о ЦЕРН, и она не может скрыть облегчения. Она не хотела, чтобы я даже пыталась. Хотя бы один человек доволен!

Немного погодя, успокоенная вином, я возвращаюсь к теме дня рождения.

– Ты пригласила Девона?

Нам больше не мешают посторонние голоса: она выключила телевизор.

– А надо?

Как бы мне не раздавить телефон в кулаке!

– Я просто прикидываю, сколько будет народу.

– Ты виделась с ним после свадьбы Елены?

Мне не нравится ее тон: такое впечатление, что она ставит галочки в списке.

– Только мельком. – Бесстыжая ложь, но с благовидной целью: не хочу говорить о Девоне и обо всем, что с ним свя-

зано.

– Он тебе не подходит, милая. Он из *Калифорнии*.

Это звучит так, словно он сидел в тюрьме. Я закатываю глаза.

– А серьги? Ладно бы одна, а то целых две!

– Я умею считать.

– А татуировки? Боже!

Неудивительно, что я скрываю от нее результат своей жалкой попытки что-то вытатуировать на своей персоне.

– Он плейбой, – продолжает она. – Помнишь девушку на свадьбе? Едва проглядывала из-под слоя макияжа.

– Все женщины разные, мама. Не суди нас строго.

– Да, вас нельзя валить в одну кучу. Тебе нужен земляк и детишки.

Я выдыхаю.

– Забудь про него. Скоро увидимся... – Не давая ей сказать еще что-то, я выпаливаю «люблю тебя» и вешаю трубку.

Падаю на диван, наливаю себе еще вина. Достая свою тетрадку, нахожу список целей и записываю еще одну, в столбике под «Поехать в Швейцарию», «Долой девственность» и «Написать фантастический роман»: «Купить платье, едва прикрывающее задницу».

Близится полночь, а я продолжаю мучить клавиатуру. На мне мои любимые шорты – бывшие джинсы – и маечка. Я вслушиваюсь в рокот приближающейся летней грозы, сулящей волну свежести. Стоит мне выбежать в кухню за водой,

как гаснет свет. Квартира погружается в темноту со светлым пятном – моим ноутбуком. То ли дело в грозе, то ли кто-то въехал в ближнюю трансформаторную будку. Фокусы с напряжением – нечастое явление: не припомню ни одного раза за все полтора года, что здесь живу.

Выглянув в окно, я убеждаюсь, что остальной город залит светом. Нахожу в кухонном ящике фонарь, иду к входной двери и вижу в луче фонаря пробивающиеся в щель внизу завитки дыма. Хорошенькое дело!

Я замираю на месте. Миртл упоминала неполадки со свечами в подвале...

Я выхожу из ступора и, пытаюсь преодолеть страх, рывком распахиваю дверь. Обходится без угрожающего треска и без языков пламени, но в нос заползает запах гари. Вокруг моих ног и у лестницы вьется дым, у меня падает сердце, хотя дым пока еще не густой.

Инстинкт одерживает верх, я захлопываю дверь, чтобы больше не впускать дым в квартиру, и несусь вниз по лестнице, прыгая сразу через три ступеньки. Я так тороплюсь, что оступаюсь на бегу и шлепаюсь на лестничную площадку, отбиваю себе задницу, но, не замечая боли, вскакиваю. Вот и дверь в холл третьего этажа, на котором живет Миртл. Я распахиваю и эту дверь. Здесь дым гуще, он поднялся уже на два фута от пола и густеет с каждой секундой. Я прикрываю лицо майкой. Выкрикивая имя хозяйки, я молочу по дощечке на стене бронзовым молоточком.

Я прерывисто дышу и считаю, сколько раз луплю кулаком в дверь, разочаровавшись в молоточке. Счет доходит до полутора десятков, крича «Миртл», я сорвала голос.

Под отвратительные звуки сработавшей наконец на дым сигнализации, усугубляющей мой ужас, она открывает дверь.

– Слава богу! Наверное, это пожар. Дым валит из вентиляции снизу! – Боюсь, мое бормотание нелегко разобрать. Я хватаю ее за руку. – Где Пуки?

– Что?.. – Вид у нее растерянный, не иначе, она крепко спала. Халат расстегнут, ноги босые.

С шумом срабатывают разбрызгиватели на потолке. Она установила их на этажах много лет назад.

– Миртл, пожар! Найдите собаку!

Она бледнеет и неуверенно покачивается.

– Не может быть! Электрик клялся, что...

Я кладу руки ей на плечи и понижаю голос для большего внушения.

– Действуйте, Миртл. Где ваша собачка?

– В моей постели. – Она указывает пальцем себе за спину, но при этом выходит в холл и дико озирается. Я оставляю ее стоять, вбегаю в квартиру, сгребая с подушки бурый комок шерсти и прижимаю к себе. Хватаю на бегу сумочку Миртл и ее палку. Наша противопожарная сигнализация подключена к службе 911. До приезда пожарных остаются считанные минуты. Я уже напрягаю слух, но еще рано. Миртл забирает у

меня Пуки и отчаянно медленно тащится за мной. Я гоню ее к лестнице и в приказном порядке заставляю спускаться.

– Только аккуратно, по одной ступеньке! Вот так, молодчина, отлично! – Но меня снова накрывает ужас. – Новый жилец! – Если на первом этаже пожар, ему у себя совсем несладко. – Не открывайте двери на его этаж! – прошу я хозяйку, размышляя вслух. – Чтобы не получилось обратной тяги.

– Что?! – кричит она, бледная, как полотно.

Где-то полсекунды я готовлюсь объяснить, что причиной обратной тяги может послужить вторжение кислорода в зону пожара, где кислорода нет; это усиливает процесс горения и приводит к взрыву углерода и столбу черного дыма, от которого никому не поздоровится... Но на объяснения нет времени.

Я делаю глубокий вдох и убеждаюсь, что воздух здесь еще довольно чистый. Это должно успокоить Миртл. Я трогаю последнюю дверь ладонями, убеждаюсь, что она не нагрелась, и открываю ее, выпуская на второй этаж кольца дыма.

– Не торопитесь, Миртл. Прекрасно! Закройте дверь на лестницу, так. Осталось вывести вас на улицу. Я позову нового жильца, хорошо?

Она кивает, прижимая к себе Пуки, таращит глаза, раздражается кашлем. Я в страхе бегу мимо нее. Она тем временем выбирается наружу, там ей ничего не угрожает. В тот момент, когда я оказываюсь у двери нового жильца, он сам

выходит мне навстречу с кошкой в руках. Слава богу!

– Пожар! – хриплю я.

Он, коротко кивнув, торопится к выходу. От густого темного дыма у меня слезятся глаза. Из-за двери, ведущей на первый этаж, доносится треск, но пламени пока что не видно.

– Вы куда? – кричит жилец, видя, что я опять кидаюсь на лестницу.

Я, прикусив губу, оцениваю задымление на лестнице. Пока не так страшно, дым еще не густой и не поднимается выше моих колен. На случай, если все обернется совсем худо, остается пожарная лестница за окном моей кухни, но до этого, конечно, не дойдет.

– Жемчуг моей бабушки!

У него падает челюсть, но, прежде чем он заорет, я мчусь вверх.

На бегу я прикидываю, что у меня будет секунд сорок. С одной стороны, этого мало, с другой – вполне безопасно.

Десять секунд... Ни на кофейном столике, ни под подушкой жемчуга нет.

Двадцать... На кухне, где я откупоривала вино, его тоже нет.

Я вбегаю в спальню, бросаю взгляд на учебники на письменном столе, на одежду на кровати. Ничего! Меня охватывает отчаяние, смешанное со страхом.

Тридцать секунд. Объятая дымом, я забегаю в ванную,

пинком распахнув дверь, шарю среди лосьонов, духов, косметики. Срываю с крючка полотенце и закрываю себе рот. Все хорошо! У меня замечательные легкие бегуны. Но бабушка... Сначала умер папа, потом она, и все стало по-другому. Она ежедневно надевала этот жемчуг, она его любила, любила его трогать. Я не была бабушкиной любимицей – она отдавала предпочтение Елене; но мне все равно хватало ее любви.

Сорок... Я выбегаю из комнаты и мчусь к двери, глядя на дым, поднимающийся снизу, как приливная волна. Глаза слезятся, меня душит кашель. Нет, туда уже нельзя, неизвестно, что ждет меня там. Может, огонь, может, дым, способный меня удушить, пока я буду спускаться. Меня тошнит, такое ощущение, словно я наглоталась горячего асфальта.

Схватив рюкзак, я бегу в спальню и забираю ноутбук, телефон, кошелек; вот и кухня, рука тянется к шпингалету окна рядом со столиком. Издали доносятся завывания сирен, уже видны белые и красные сполохи.

Я вылезла на крохотный балкон и смотрю вниз. Я мигом промокаю от дождя, небо прорезает молния. Не хватает только удара током в тот момент, когда я поставлю ногу на железную ступеньку пожарной лестницы. Совершенно не хочется упасть с высоты сорока пяти футов. И все же я говорю себе: «Я не боюсь».

Я закидываю на плечо мокрый рюкзак, отвожу от стены и толкаю под дождь лестницу и слышу, как жалобно она лязга-

ет, раскладываясь. Она заржавела, но обязательно меня выдержит. Я – девушка, у которой всегда есть четкий план. Въехав сюда, я в тот же день проверила все выходы.

Трепеща от страха, я спускаюсь по шатким ступенькам, отчаянно цепляясь за них и считая кирпичи, мимо которых ползу вниз.

Сорок пять футов. Мне это по плечу.

Руки деревенеют. Одна нога медленно ползет за другой. Еще и еще.

Ветер пытается сбросить меня с лестницы. Правая рука хватает пустоту, но ее сила передается левой. Целую минуту я ловлю ртом воздух и унимаю сердцебиение. Воздух упорительно свеж – спасибо и на этом. Я поправляю рюкзак и возобновляю спуск. Примерно на половине пути я начинаю слышать свое имя сквозь оглушительный тарарам, сирены и дождь. Нет, я не стану смотреть вниз, это помешает спуску. Я ползу вдоль боковой стены дома и не вижу, что происходит со стороны фасада, только слышу приказы пожарных. Вижу краем глаза мчащуюся внизу «Скорую». «Все нормально», – говорю я себе, при тушении пожара всегда присутствуют медики.

Вот и второй этаж с огромным окном от пола до потолка, старинное волнистое стекло, которое так любит Миртл. Всего в нескольких футах отсюда, из двери первого этажа, с гулом вырываются языки пламени. Оттуда же валит густой черный дым, из холла, как из паровозной топки, слышен

ужасающий рев.

Последние футы я преодолеваю прыжком, чтобы, коснувшись подошвами земли, бегом обогнуть угол.

– Миртл! – кричу я. Санитар укладывает ее на носилки. Что с ней? Она же вовремя покинула дом! Как долго я...

Меня захлестывает стыд, я ловлю ртом воздух, чувствуя, как прилив адреналина сменяется упадком сил. Я спаслась, я смогла! Но если она пострадала... Я во все глаза смотрю на происходящее, на красные машины. Но все мысли вылетают из головы, стоит мне увидеть...

Что он здесь делает?

– Девон! – перекрикиваю я общий гвалт, мой вопль предназначен людям, не подпускающим его к дому.

Проходит миллион секунд, прежде чем он оглядывается и находит меня взглядом. Потом он идет, нет, бежит, бежит быстро, как по телевизору, с той разницей, что...

Сильные руки хватают меня за плечи, пальцы больно впиваются в кожу. Обычно он загорелый, но сейчас страшно бледен, рот разинут, и вряд ли это улыбка.

Я облизываю губы, мне не хватает воздуха.

– Нам... пора... перестать... встречаться... вот так...

Он рывком привлекает меня к себе и целует.

5

Жизель

– Со мной все в порядке, – говорю я женщине-спасателю, несколько минут назад заставившую меня сесть на скамейку напротив дома.

Она светит мне в глаза фонариком.

– Вы не ударились головой? Не упали? Головокружение, тошнота, кашель? – Меня успокаивает ее деловой тон, хотя на тяжелый молот у меня в груди он не действует.

– Кашлянула разок. – Я смотрю на мужчину, расхаживающего у нее за спиной, его взгляд говорит: «Узнаю, что ты в порядке, – убью!» Не в силах выдержать этот взгляд, я набираю в легкие побольше воздуха и начинаю наблюдать за пожарными, суетящимися вокруг дома. Огонь потушен, но из окон продолжает валить дым. Боже, как быстро все произошло!

– У нее распухла лодыжка! – лает Девон, и я скашиваю глаза на страшный желтый кровоподтек у себя на правой ноге.

Спасатель смотрит туда же. Я морщусь.

– Я так торопилась к Миртл, что свалилась с лестницы. Мне не больно, просто растяжение...

– Выбежала бы вместе с ней, вместо того чтобы... – Девон

запускает себе в волосы пятерню. Видно, как он взволнован. Он раз сто повторил одно и то же с тех пор, как меня схватил.

Спасатель оглядывается и просит его отойти на несколько шагов. Он подчиняется с тяжелым вздохом.

Я перестаю на него смотреть и прижимаю ладонь к груди. Сердцебиение никак не стихает, с этой стороны не исключен взрыв.

Ощупав мою лодыжку, спасатель выпрямляется и говорит то, что я и так знаю: что все в порядке, достаточно приложить лед – и я побегу, как новенькая. Она обходится со мной ласково, учитывая, что я не позволяла ей меня осмотреть, пока я не поговорю со своей лучшей подругой. *«Миртл в порядке»*, – твердила я себе. Прежде чем укатить в «Скорой», та потрепала меня по щеке и уверила, что всего лишь подвернула на нижней ступеньке крыльца колено. От беспокойства у меня крутит живот. Она такая хрупкая! А тут еще кошка Джона, спрыгнувшая с его рук и удравшая, как только он выбежал из дома. Мы ее найдем, чего бы это ни стоило!

Джон уехал в «Скорой» вместе с Миртл, весь серый, с прижатой к лицу кислородной маской. *Добро пожаловать к нашему огоньку, новичок!*

Раздается скулеж. Я глажу йорка, оставленного на мое попечение.

– Все хорошо, Пуки, детка! Твоя мама легко отделалась.

– Дай хоть псину подержать! – не выдерживает Девон, подсакивая ко мне. Видя, что он более-менее успокоился,

спасатель кивает, и он с ее разрешения берет дрожащее животное. Я хмурюсь, боясь, как бы Пуки его не цапнула, но она, раз глянув на Девона, прячет нос в сгибе его локтя. Я сдаюсь: он неотразим для всего женского пола.

Вопросительно взглянув на меня (мол, не скрываю ли я других телесных повреждений), Девон направляется к группе пожарных, не обращая внимания на уже натянутую кем-то желтую ленту. Вклинивается в их разговор и начинает задавать вопросы. Они, похоже, не против. Если ты знаменитость, значит, умеешь расположить к себе других.

Я ловлю обрывки их беседы. Пожар начался на цокольном этаже, там и был локализован. Здание сильно пострадало. На место выехал пожарный маршал. Вылетевшие окна и пострадавшие двери заколотят, чтобы в дом не проникли злоумышленники. Раз дом огорожен, мы должны получить разрешение, чтобы попасть внутрь. Я поднимаю глаза на окна четвертого этажа. Не пострадали ли от воды мои вещи? Уж точно провоняли дымом. Хотя бы дождь перестал лить, теперь можно насладиться ночной прохладой.

Черт!

Я... Где моя голова? Как я могла забыть главное?

Он меня поцеловал.

Я прикасаюсь к губам. Мой первый поцелуй в губы! Твердый, быстрый, несколько не ласковый. Без языка и без слюны. Я слегка разочарована.

– Он твой бойфренд? – спрашивает женщина-спасатель, с

улыбкой указывая кивком на Девона. – Хорош, горяч! Каков темперамент! Кажется, это Девон Уолш?

– Мы друзья.

У нее взлетают брови.

– Его чуть не арестовали за попытки попасть в горящий дом, спасти вас. По ходу, он не скупился на ругательства. – Она смеется.

Я жмурюсь от угрызений совести.

– Есть пострадавшие?

Она хлопает меня по руке, как будто видит насквозь.

– Наши парни – профессионалы. Это еще что, мы видали кое-что гораздо хуже. Пожар застал вас на четвертом этаже?

Я утвердительно киваю.

– Вы спустились еще до того, как они проникли внутрь и приступили к поискам. Но вы не беспокойтесь, пожарные знают свое дело.

Мне от ее слов не легче. Девон... У меня дрожат ресницы. Если бы ему удалось преодолеть заслон и начать меня искать... При мысли о полном дыма втором этаже мне становится нехорошо. Я закрываю дрожащими ладонями лицо.

Она возвращается к своим обязанностям, и ко мне торопится Девон, прижимающий к себе Пуки. Гладиатор с крохотной собачкой должен вызывать смех, но Девон вовсе не смешон.

– Давай, я ее заберу. – Я встаю, заставляя себя не шататься.

У него кривится лицо, на скулах играют желваки.

Я хромаю ему навстречу; пострадавшая лодыжка не очень меня беспокоит, но он все равно кидается ко мне. Он берет меня за руку, мои дрожащие пальцы переплетаются с его – жесткими, уверенными. Теперь в одной руке у него Пуки, в другой я. Он медленно ведет меня к своему «Хаммеру».

– Может, немного подождем? Мало ли что? По крайней мере, я поищу кошку. – Я в отчаянии вспоминаю, что даже не знаю имени сбежавшего животного. – Не отвезешь меня в больницу? Миртл там одна, мне нужно позвонить ее дочери в Нью-Йорк и в страховую компанию.

– Сейчас два часа ночи. Кошка вернется сама, твоя подруга жива-здорова, а вот ты босая и нетвердо стоишь на ногах. Отвезу-ка я тебя домой.

У меня нет дома.

Он отпирает черный «Хаммер», распахивает переднюю правую дверцу и жестом приглашает меня сесть.

У меня вздымается грудь.

– Миртл...

– Полезай в машину, Жизель, иначе я не знаю, что сделаю...

Поцелуешь меня?

Покусишься на мою целостность?

Куда там! Только и знает, что злиться!

– Что тебе понадобилось у меня дома среди ночи?

– Лезь в машину!

– Слушаюсь. – Я с пыхтением заползаю на широкое черное сиденье, вдыхаю запах дорогой кожи и сексуальной мужественности.

Он с удивительной аккуратностью устраивает Пуки на полу сзади, потом возится в багажнике. Оказывается, он искал толстовку, чтобы закутать в нее собачку – так она не будет кататься по салону.

Он садится за руль, включает зажигание. Я жду, чтобы он тронулся с места, но этого не происходит. Он вцепился в баранку побелевшими пальцами и ерзает на сиденье.

Мои нервы сдают, я больше не могу разыгрывать равнодушие.

– Девон, я согласна, не надо было мне возвращаться в горящий дом, но я разбираюсь в пожарах: мой этаж был несильно задымлен, и я знала про пожарную лестницу. Все было под контролем, я отвела себе меньше минуты...

– Огонь – непредсказуемая стихия, Жизель. – Его лицо искажает судорога, он смотрит прямо перед собой. Почему не на меня? – Без ожерелья тебе не жить?

– Оно бабушкино, это память. – Я трогаю ногой свой рюкзак – наверное, он положил его в машину, прежде чем усадить сюда меня. – По крайней мере, я спасла свой труд...

– Ноутбук можно заменить другим. А вот ТВОЮ ЖИЗНЬ ничем не заменишь. – Он прижимается затылком к подголовнику и наконец смотрит на меня. В его волнующе зеленых глазах угадывается с трудом сдерживаемая тревога.

– Прости, – пишу я чуть погодя, пытаюсь встретиться с ним взглядом. – Ты прав. Мной управлял инстинкт. Все происходило так быстро, что не хватило времени поразмыслить... – У меня перехватывает дыхание, внутренности скручивает узлом от страха, даже горло саднит – так действует воспоминание о моем опасном выборе. Я часто моргаю, сжимаю и разжимаю пальцы, стискиваю коленями ладони.

У него испуганный вид.

– Перестань, Жизель, только твоих слез не хватало! Я... Меня не пускали внутрь, я готов был их всех поубивать! – Он так сжимает руль, что того и гляди раздавит.

Меня мучает совесть при мысли, как я его напугала. Он был рядом, но никак не мог мне помочь; если бы со мной стряслась беда, сообщать об этом моей маме и Елене пришлось бы ему. По щекам бегут слезы, я торопливо их смахиваю.

– Иди ко мне, детка. – Он тянется ко мне, заключает меня в объятия, гладит по спине. Между нами бежит ток высокого напряжения, я вся покрываюсь мурашками. Это заметно только мне, Девон – просто добряк.

Я бодаю лбом его грудь, вдыхаю его головокружительный запах – так пахнет море, солнце.

– Ты рвался внутрь. Если бы с тобой что-то случилось, я бы умерла. – Теперь я прикладываю к его груди ухо, слушаю его ускорившееся сердцебиение. У профессиональных спортсменов оно обычно умеренное, не выше шестидесяти

ударов в минуту, но сейчас я слышу совсем другой ритм. Я вздыхаю. Он еще не успокоился. Чтобы ему помочь, я смыкаю руки у него на пояснице.

Не знаю, как долго длятся такие наши объятия – может, минуту, а может, все пять. Искажая время, его ладонь массирует мне затылок, губы прикасаются к макушке.

– Все, можешь меня отпустить, – шепчу я. *Только попробуй!* – Я вся потная. – Только сейчас я замечаю, что после клуба он переоделся. Вместо черной рубашки и джинсов на нем теперь обтягивающие серые рейтузы для бега трусцой и белая майка, подчеркивающая грудную мускулатуру. В темном салоне машины он кажется еще больше, еще сильнее.

– Ты вся дрожишь.

Он разжимает объятия, и я вздыхаю, уже жалея об утраченном ощущении. Он внимательно на меня смотрит, словно исследует, приподнимает мне подбородок.

– Я в порядке, правда.

Он упирается взглядом в мою майку.

– Да, я без лифчика, – примеряю я амплуа Капитана Очевидность. – Придя домой, я первым делом снимаю его. Потом – жемчуг.

Он неохотно отрывает глаза от моих торчащих сосков, и наши глаза встречаются. В голове у меня полный хаос, я даже не знаю, сколько точно прошло времени, но мы смотрим друг на друга никак не меньше десяти секунд.

На уме у меня сердитый поцелуй, но действовать я не в си-

лах. Логически я могу соединить точки: внутренний дикарь, пещерный человек вылезает наружу, подгоняемый страхом, злостью или адреналином, происходит впрыск забористого эпинефринового коктейля из спинного мозга прямо в кровь – и вот, пожалуйста, альфа-Девон во всей красе, в готовности разорвать на куски весь мир. Вероятно, он так же реагирует на перехват соперником предназначенного ему паса. И никакого секса.

– Я бы сто раз полез туда за тобой.

Я с усилием сглатываю загустевшую слюну.

– Ты бы полез туда за кем угодно.

Он отстраняется, садится прямо.

– И то верно. Куда тебя отвезти?

– Может, в «Хилтон», это в нескольких кварталах отсюда.

– Нет.

Почему такая поспешность с ответом?

– Почему не туда?

– Сейчас тебе нельзя оставаться одной.

– Тогда вези меня к моей матери.

Он изучающе смотрит на меня.

– Ты серьезно этого хочешь?

– Серьезно – нет. – Я машу рукой. Она задаст миллион вопросов и сильно огорчится. Лучше я ей завтра позвоню. Ей и тете Кларе. – Я смотрю на свои босые ноги. – Джек и Елена оставили мне ключи от своего дома, только там на этой неделе ремонт, представляю эту вонищу... – Я морщу нос.

– Как насчет Тофера?

– Он снимает квартирку в Дейзи, но там какие-то трения с новым соседом. Надо подождать несколько дней, пока что его лучше не беспокоить.

– Другие друзья или подруги?

Я кусаю губы. Не хочется вдаваться в подробности моего ограниченного круга общения. Большинство моих знакомых остались в Мемфисе, где я доучивалась и готовила диплом на степень мастера, или разъехались по стране.

– Можешь побыть у меня, пока все наладится.

Я моргаю от удивления.

– Приглашение на траходром? – Шутка помогает скрыть смущение. *Побыть у него?*

– Что я слышу? Елена поделилась с тобой своими словечками?

Я пожимаю плечами. Девон купил пентхаус у Джека, а тот приобрел его, только чтобы приводить девчонок; жили они с Девоном в другом месте. В пентхаусе Джек и Елена впервые переспали после того, как напились, тогда она еще не знала, что он знаменитый игрок американского футбола. Елена всей душой возненавидела этот пентхаус и заставила Джека продать его Девону уже через неделю после обручения.

Девон выезжает на перекресток.

– В твоем положении не до выбора. На поиск нового жилья у тебя уйдет несколько дней. Сам я в пентхаусе не задержусь, мне пора в тренировочный лагерь.

– Звучит неплохо. – То есть на самом деле – совершенно ужасно.

Он косится на меня.

– Ты считаешь, что побывать у меня – хорошая идея. – Это утверждение, а не вопрос.

Я разглаживаю обтрепанные края своих шорт.

– Я угодила в надежнейшие руки во всем Нэшвилле, хоть знак победы на лбу малюй. – Я фыркаю. – Забавно! Недаром ты – главный распасовщик команды.

Он что-то бормочет себе под нос. Я изучаю его точеный профиль, орлиный нос, иссиня-черные волосы, могучие плечи. Бормотание маскирует выдох облегчения. Неужели он боялся, что я не приму приглашение?

– Ты так и не объяснил, как оказался рядом с моим домом глубокой ночью, – говорю я в надежде побороть возникшую между нами неловкость.

Он делает левый поворот.

– У меня было намерение извиниться перед тобой за повышенный тон.

– Среди ночи?

– Согласен, затея была не из лучших. Ехал мимо, дай, думаю, взгляну, горит ли у тебя свет. Собирался позвонить, если ты не спишь, и что же я вижу? Пожарные расчеты! – Снова взгляд искоса.

– Не знала, что тебе известен мой адрес.

Он как ни в чем не бывало пожимает плечами.

– Услышал его однажды от Елены. А ты однажды назвала при мне свой этаж.

Теперь понятно: случайная осведомленность. Настоящий интерес даже рядом не лежал.

Прежде чем затронуть следующую тему, я сжимаю кулаки.

– Помнишь клуб? Я должна объясниться. Во-первых, извини, что не сдержалась. Во-вторых, чтоб ты знал, я не берегу себя для кого-то особенного. Иначе я переспала бы с Престоном, как только он меня окольцевал, тем более, как стало понятно задним числом, он хотел именно этого. – Я долго медлю и наконец выпаливаю: – Но я не могла.

Он хмурит лоб.

– Что за болтовня про твою фригидность? Ты слышала это от того болвана?

Мне смерть как хочется ничего этого не вспоминать, но куда уж там!

– От него, от кого же еще.

– Вот кретин! – Он окидывает меня взглядом. – Он не достоин такой девушки, как ты. Поскорее выбрось его из головы.

Я отворачиваюсь к окну.

– Эй, – окликает он меня. – Поговори со мной.

– Как тебе длинные истории?

– Давай попробуем.

Я жую нижнюю губу с мыслью подступить к теме обстоя-

тельно, но страшная правда вываливается сама собой.

— Когда мне было пятнадцать, почти шестнадцать, мне приглянулся один спортсмен, игрок в лакросс. Красавчик, мечтательный взгляд, вылитый лорд Байрон: брюнет с пухлыми, как у девочки, губами. Я была на год младше, зато перепрыгнула через класс, так что мы с ним учились вместе. — Я вздыхаю. — Ясное дело, я в нем души не чаяла, и каждый раз, когда он изволил на меня посмотреть — а смотреть он умел, я тебя уверяю, — я воображала, что покорила его сердце. Я написала для него годовую работу, давала ему списывать домашнее задание по химии, держала ему место в столовке, но он так и не позвал меня на свидание. Зато в наше последнее школьное лето он перегнул палку: позвал меня посмотреть, как он тренируется. На стадионе он поманил меня под трибуны, и я пошла, воображая, что исполнится мое подростковое желание стать взрослой... Чтоб ты знал, меня выбрали самой скучной девицей всего класса. Это был секретный список, результат голосования не фигурировал в годовом альбоме. — У меня начинает дрожать голос, но я стараюсь взять себя в руки. — В общем, он меня поцеловал — это был первый в моей жизни настоящий поцелуй — и быстренько раздел до трусов. И тут я слышу хохот его дружков. Они спрятались и сняли меня на его телефон. Кстати, это был мой день рождения. — У меня уже пылают щеки, хорошо хоть, что Девон смотрит на дорогу и не позволяет себе никакой мимики.

– Возвращаюсь домой, а мой отец уже в коме. Теперь, когда прошло время, я, оглядываясь назад, понимаю, что не все парни такие, но все равно секс вызывает у меня некоторые колебания.

– Как звали этого придурка? Где он живет?

Я сжимаю кулаки.

– Я сама с ним поквиталась.

Он косится на меня.

– Правильно сделала.

Мы подъезжаем к отелю «Бретон», там, наверху, находится его пентхаус. Здание так себе, темно-серая штукатурка, зато рядом со стадионом. Ночной привратник, молодой парень в черной форме, кидается к «Хаммеру» так, словно всю жизнь его дожидался, с широкой ухмылкой на физиономии.

Я забираю из машины Пуки. Девон ждет меня, опустив глаза, как будто не хочет, чтобы я прочла его мысли. Он берет меня за руку – одного этого достаточно, чтобы я вся заискрилась, – и ведет внутрь. Там сплошь мрамор и стекло, шикарные диваны, четырехъярусный фонтан из черного гранита, пышная зелень и яркие цветы в серых вазах по углам камина длиной футов в двадцать. Пожилая женщина за стойкой регистрации машет Девону рукой, уважительно скользя взглядом по его широким плечам. Готова поклясться, что, когда мы проходим мимо, она прикладывает руку к сердцу. Да уж, он – всеобщий любимчик.

У меня трепещет сердце – не от жара камина, а от его бли-

зости. Девон шагает по вестибюлю как безусловный хозяин, мне передается его настроение. Он подводит меня к дверям лифта своего пентхауса, спрятанным в нише, набирает код. Двери раздвигаются, он заводит меня в кабину.

Пока мы едем наверх, воздух в кабине насыщается электричеством.

Девон отпускает мою руку.

– Ты призналась, что делала за того спортсмена домашние задания и ему не поздоровилось?

– Хуже.

Он забирает у меня Пуки, нарочно проводя рукой по моей руке, и приподнимает бровь с пирсингом. У меня безумное желание лизнуть эту сережку.

– Поделись своим дьявольским опытом, Жизель. Как ты его проучила?

– Мои рассказы могут затянуться, Дев.

– Я хочу послушать их все.

Я приказываю порхающим у меня в груди бабочкам уняться. Это Девон, *просто друг*.

– В тот вечер я сидела в больнице и совсем забыла про Карлтона – так звали игрока в лакросс. Ночью папы не стало. Я проверила, разослал ли Карлтон постыдное видео – оказалось, что нет. Возможно, он узнал про моего отца: городишко маленький, папа был мэром, новости разлетаются быстро, вот в нем и проснулась совесть. Может, он вообще не собирался выкладывать видео, а просто хотел иметь на меня

компромат. На следующий день начинались занятия, и я боялась, что он каким-то образом его использует в первый же день. Но он не все про меня знал: с виду я смирная, но умею строить планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.